

Дарья Кузнецова

Уездный
город С***

Дарья Кузнецова
Уездный город С***

«Дарья Кузнецова»

2023

Кузнецова Д. А.

Уездный город С*** / Д. А. Кузнецова — «Дарья Кузнецова»,
2023

Поручик Натан Титов был переведён в уголовный сыск С-ской губернии со строгим взысканием и понижением в звании. Однако он не унывает и полон решимости начать новую жизнь в спокойном провинциальном городе, пусть и не столь насыщенную, как была в столице. Вот только губернский город С*** на поверку оказывается тем ещё тихим омутом, где роль главного чёрта играет очаровательная Аэлита Брамс, чудаковатая в?щевичка на мотоциклете, а со вторым планом прекрасно справляются прочие служащие уголовного сыска и их совсем не скучные будни.

© Кузнецова Д. А., 2023

© Дарья Кузнецова, 2023

Содержание

Глава 1. Северный гость	6
Глава 2. Сыскная контора	14
Глава 3. Русалка	26
Глава 4. Имя розы	36
Глава 5. Майская ночь	47
Глава 6. Тонкая нить	57
Глава 7. Лобное место	67
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Дарья Кузнецова
Уездный город С***

Май 1925 г.

*Российская Империя, город С*** С-ской губернии.*

Глава 1. Северный гость

Кабинет выглядел надёжным и сдержанно-старомодным, какими бывают вековые дворянские усадьбы, принадлежащие крепким, дружным семьям. В торце тяжёлые дубовые двери о двух створках, напротив них – пара высоких, обрамлённых плотными зелёными портьерами и прикрытых светлым газом окон в старинных переплётах. Через открытую форточку кабинет наполнялся гамом улицы, неумолчным птичьим щебетом и одуряющими запахами молодой листвы.

В простенке между окнами висел поясной парадный портрет императора Михаила II в резной, потемневшей от времени раме. Судя по антикварному виду оной, нынешний государь был в ней далеко не первым: все предшественники его столь же гордо и строго взирали на посетителей весь отмеренный срок своего царствования, а покидая престол, отправлялись куда-то в архивы. Со всем почтением, но – на голых подрамниках.

Под портретом обосновался дубовый стол, обитый зелёным же сукном. Ножки стола, казалось, под грузом прожитых лет вросли в паркет пола; сукно местами лоснилось, но благородно, без пошлости, словно лысина на голове почтенного господина.

Один такой господин – правда, без лысины, – сидел за столом в основательном старинном кресле с высокой спинкой. И даже если бы почтенный муж этот не занимал хозяйского места, всякому было бы очевидно, что кабинет принадлежит именно ему. Они настолько подходили друг к другу, что мужчина с добродушным круглым лицом и аккуратно уложенными русыми с проседью волосами казался не живым обитателем комнаты, а просто частью её обстановки. Белый форменный китель, уютно облегавший солидную, но ещё крепкую и не дряблую фигуру, был единственным, что хоть немного отделяло полицмейстера от фона.

Слева от господина, вдоль стены, тянулась многоярусная, от пола до потолка, картотека, вызывающая у всякого посетителя необъяснимое колотье в левом подреберье и навязчивое чувство вины, даже будь этот гость чист как агнец божий. Дальше до самого угла стройным рядом шли книжные шкафы, которых втиснулось целых три штуки – таких же старинных, основательных, надёжных, как и прочая мебель. По правую руку вырастал из угла солидных размеров несгораемый шкаф, выкрашенный мшисто-зелёным и почти теряющийся на фоне штор.

А всё остальное пространство стены, от несгораемого шкафа до двери, закрывал богатый, тончайшей работы персидский ковёр в зелёно-коричневых тонах, на котором были развешаны любовно вычищенные и гордо поблескивающие предметы, неспособные оставить равнодушным ни одного настоящего мужчину: коллекция оружия.

Единственный посетитель кабинета, занимавший кресло напротив хозяина, явно был настоящим мужчиной – если судить по заинтересованным взглядам, которые он нет-нет да и бросал в сторону ковра. И надо думать, в оружии оный посетитель понимал: погоны поручика на полицейском мундире бросались в глаза, да и выправка, и взгляд выдавали офицера. Наверное, это тоже сыграло роль в покровительственном, тёплом отношении хозяина кабинета к своему гостю, а вернее – подчинённому.

– Я чрезвычайно рад, любезный Натан Ильич, что вы перевелись в наш скромный город. Поймите меня правильно, у нас хватает людей, есть отличные специалисты по чародейскому профилю, некоторые и столичным форум дадут – всё же Федорка... То есть, простите, Институт Небесной Механики под боком, а там уровень университетский. Но вот бойцов, опытных офицеров, которые сыскное дело знают от корки до корки, всё же не хватает. Да и какие у нас преступления, любезный Натан Ильич? Город хоть и губернский, всё одно тихий. Вот о Рождестве жуткий скандал вышел, фабрикант жену с любовником застукал да обоих порешил, так до сих пор самое страшное преступление. Поймите меня правильно, меня как ответствен-

ного за городской порядок подобное чрезвычайно радует, но как полицейского и, уж простите, охотника – безмерно печалит. Третьего года дело заковыристое было, с большой кражей, так пришлось Охранку подключать, будь она неладна: не справились сами. А это, любезный Натан Ильич, и по престижу ударяет, и по гордости, и вообще на кой чёрт мы тут сидим, ежели при малейших трудностях должны о помощи просить? В общем, рад, чрезвычайно рад, и очень рассчитываю на ваш опыт! А то вот на Пасху тоже был случай...

Голос у полицмейстера¹ С-ской губернии полковника Петра Антоновича Чиркова был глубокий, звучный, хорошо поставленный, его было в удовольствие слушать. И в какой-то момент – признаться, довольно скоро, – «любезный Натан Ильич» поймал себя на том, что слушает очень внимательно, но смысл сказанного уплывает куда-то за колышущиеся под майским ветерком шторы. Поручик сделал над собой усилие и постарался сосредоточиться, но вскоре оставил это занятие: полковник был как глухарь на току и мало интересовался тем, с каким тщанием слушает его новый подчинённый.

Но через четверть часа, улучив в потоке кровавых историй из спокойной жизни города С*** момент, Натан всё же нашёл возможность вставить вопрос:

– Господин полковник, а штат уголовного сыска – большой? Кто начальник? Из гражданских или военных?

Полковник осёкся, смущённо крякнул в ответ, побарабанил длинными крупными пальцами по столешнице. Нервным жестом пригладил густые белые усы, в сочетании с круглым лицом и зелёными лукавыми глазами делавшие его похожим на ленивого кота, потом неуверенно, даже заискивающе, улыбнулся и промолвил:

– Да какой там штат, любезный Натан Ильич? Десять человек всего, не считая вас.

– На весь город? – уточнил поручик. По его представлениям, для такого спокойного города получалось совсем не мало.

– Господь с вами, на губернию, – отмахнулся Чирков. – Говорю же, нужды особой нет, тихо у нас. Исправники на местах справляются, а если вдруг сложности какие – так вон оно, чудо техники стоит, – он выразительно кивнул на пару пузатых, блестящих телефонных аппаратов, стоявших на столе. Среди бумаг, рядом с вычурным старым пресс-папье, чернильным прибором начала прошлого века и керосиновой настольной лампой эти пионеры прогресса смотрелись особенно дерзко.

– С начальником тоже прежде обходились кое-как, – продолжил тем временем полицмейстер. – Не было у уголовного сыска своего начальника, любезный Натан Ильич, всё больше И.О. в порядке живой очереди, поймите меня правильно. Вот я и намеревался возложить сию почётную обязанность на вас: у вас и полицейский опыт, и офицерский, и личные качества. Вы ведь не против?

– Я? – растерянно переспросил поручик, чувствуя себя в этот момент донельзя глупо. – Эм... нет. Наверное, не против. Но это чертовски неожиданно!

– Привыкнете, – добродушно отмахнулся Чирков. – Но я, конечно, не отбираю у вас расследования: прекрасно понимаю, молодость, не до кабинетной работы. Поймите меня правильно, мы принимали вас всё же как специалиста по сыску, негоже зарывать талант в землю. Паче того, вам, как *жівнику*, должно быть особенно горько и тяжело сидеть на одном месте среди бумажек. Но зато вам лично в помощники определён лучший из *вщевиков*! Сейчас подойдёт, я вас познакомлю. Учёный, в свои двадцать пять – уже магистр, настоящий гений. Со странностями небольшими, конечно, но кто без них? Вот с пунктуальностью, увы, проблемы, такая рассеянность... Хотя, может быть, в Федо... то есть в Институте задержали. Тут, кстати, у них намедни такая забавная история приключилась, вам должно быть интересно...

¹ Полицмейстер – должность начальника губернского отделения Департамента полиции.

Натану интересно не было, но он на всякий случай кивнул и через несколько секунд уже без малейшего расстройств потерял нить повествования. К лучшему: петроградцу было о чём подумать, а мерная, глубокая речь полковника от мыслей совсем не отвлекала, даже наоборот, помогала сосредоточиться.

Поручик Титов был обескуражен заявлениями полицмейстера и никак не мог определить собственного к ним отношения. Он не ожидал, что новый начальник вдруг проникнется к нему такой симпатией. Сам бы Натан на месте этого начальника точно не проникся: столичный фрунт, переведён с понижением в чине, да ещё с выговором за поведение, порочащее честь офицера. Тут впору не радоваться, а посылать в благодарность за подарочек грома и молнии на головы столичного начальства! А полковник – ничего, явно доволен и даже окрылён радужными перспективами.

Впрочем, быть может, загадки никакой нет и дело нового офицера он просто не дочитал до конца? Удовлетворился блестящим табелем, прекрасным началом карьеры – и на том успокоился? Успевший немного понаблюдать за Чирковым, Натан бы этому совершенно не удивился.

И вот здесь перед поручиком – а год назад ещё блестящим штабс-капитаном, представленным к повышению – вставал серьёзный вопрос: стоит ли указать начальству на его, начальства, невнимательность. С одной стороны, нехорошо вводить в заблуждение прямого командира, а с другой – и указывать на оплошность тоже не дело. В конце концов, нельзя быть до конца уверенным, что Пётр Антонович действительно не читал бумаг нового офицера...

Натан так и не сумел прийти к окончательному решению, когда поток воспоминаний полковника резко прервался из-за шума открывающейся двери. Та не скрипела петлями, это было ниже её достоинства, но издала солидный шелестящий вздох, на который ответили, приветственно качнувшись, занавески.

– Алечка, ну наконец-то! – встрепенулся Пётр Антонович, разулыбался и проворно поднялся с кресла, с тем чтобы выйти из-за стола и тепло поприветствовать нового посетителя. Натан на всякий случай последовал его примеру. В дверях обнаружилась молодая женщина.

Та, впрочем, на восторги полковника не ответила, она была чересчур увлечена какой-то пухлой брошюрой или журналом. Только предупреждающе вскинула руку, явно намереваясь дочитать страницу.

– Алечка, – с укором протянул Чирков. – Это невежливо, в самом деле. Мы же ждём!

– Простите, дядюшка, очень уж статья интересная. – Она всё же отвлеклась от чтения и, тепло улыбнувшись хозяину кабинета, спрятала свою брошюру в планшет, притороченный к поясу. – Вы представляете, господин Попов сумел с помощью своего аппарата передать не только простой сигнал, но отдать команду *въщи!* Элементарную, но это ведь самый настоящий прорыв! Дядя, мы с вами живём в волшебную эпоху, через десять лет мир изменится до неузнаваемости! – восхищённо тараторила гостя, не замечая поручика. – Представляете, можно будет самолётами или цеппелинами управлять, не поднимаясь в воздух! Или вот, к примеру, мечта ректора нашего, Константина Эдуардовича, о звёздах. Десять, может быть, двадцать лет, мы не только освободимся от земного притяжения, но улетим куда угодно! К Луне, к Марсу, к Сатурну!

– Алечка, поймите меня правильно, но по мне и здесь дел невпроворот, чтобы ещё до Марса летать, – вымученно улыбнулся Чирков. – А что до самолёта, тут и с живым-то летуном подумаешь, стоит ли связываться, а уж с таким и подавно.

– Так ведь это ещё не всё, – развеселилась девушка. – Вот, к примеру, запоматовали вы, закрыли дверь, уходя, или оставили нараспашку. И никакой нужды не будет мчаться через весь город, дабы оказаться у закрытого замка, достаточно будет... – её ищущий взгляд упал на телефон, стоявший на столе, и вспыхнул новым пламенем, – да вот хоть позвонить себе домой!

И сама дверь ответит, что с ней всё хорошо. А холодильный ларь позвонит на работу и скажет, что скисло молоко!

– Господи сохрани, с дверьми разговаривать, – полицмейстер, слегка побледневший после такой картины, торопливо перекрестился, а женщина в ответ звонко рассмеялась:

– Дядя, вы неисправимы!

Натан тем временем смог спокойно рассмотреть эту особу и оказался... под впечатлением. Выглядела Алечка весьма эксцентрично и олицетворяла собой воплощённый контраст к кабинету полицмейстера и к нему самому. Она явно относилась к тому с каждым годом растущему числу женщин, которые с энтузиазмом восприняли закон двенадцатого года о предоставлении равных гражданских прав слабому полу и теперь всячески их использовали, погружая многих мужчин в печаль и уныние.

Почему император Александр вообще задумался о подобном законе и как на него решился, лично Натан не понимал, но поступок этот уважал. Поручик никогда не был ярким противником подобной меры, а за годы полицейской службы и вовсе признал её справедливость: ему, выросшему в дружной семье, было дико увидеть, как порой живут люди и как беззащитны бывают женщины, особенно перед тем, кто божился оберегать и защищать.

Собственно, путь к революционному закону начался ещё в прошлом веке, с запрета на рукоприкладство, с гарантии защиты женщин от жестокости. Тогда же как грибы после дождя начали плодиться по Империи всевозможные общества и *сестричества*, помогавшие представительницам слабого пола, попавшим в трудную жизненную ситуацию. Среди богатых дам, особенно – скучающих вдов, стало модным организовывать и содержать подобные, и именно эти дамы впоследствии оказались первыми сторонницами дальнейших реформ. Консерваторы и поборники патриархальной морали, конечно, были недовольны, называли всё это «бабьим бунтом» и ругали императора, но волна набирала обороты.

На рубеже веков женщинам разрешили получать любое образование – при наличии, разумеется, склонности. И главные аргументы императора было очень сложно опровергнуть: перемены продвигались под знаменем великих женщин истории, которых набралось немало, начиная с княгини Ольги и прочих былинных героинь. Да что там, одного упоминания Екатерины Великой хватало, чтобы унять злые языки: мало кто смел отрицать государственный ум и мудрость императрицы.

Последующее официальное признание равноправия оказалось закономерным и предсказуемым шагом, а окончательно выбило почву из-под ног противников реформы признание её Церковью. И широкая общественность представления не имела, как покойный Александр III сумел убедить попов.

Вот только, как это водится, рядом с несомненной пользой закона стоял не менее несомненный вред. Женщины не только осознали свои права, но начали порой очень вольно толковать свободы, что сказалось среди прочего на одежде. И вот эта «Алечка» являлась ярчайшим образцом «женщины нового времени».

Кое-как собранные в причёску рыжие кудри местами прихотливо топорщились, одежду составляли белая блуза и морковного цвета широкая юбка-брюки провокационной длины – она не достигала и середины голени, демонстрируя изящные лодыжки в высоких ботиках на шнуровке. Тонкую безо всяких корсетов талию охватывал широкий пояс, к которому крепились кожаный планшет, небольшая прямоугольная сумка с неведомым содержимым и – на боку, где уставом полагалось носить шашку, – длинный и узкий кожаный чехол-тубус.

Наконец Натан признал, что женщина скорее хороша, чем нет, и вызывает интерес: кошачьи зелёные глаза, круглое личико с чуть вздёрнутым аккуратным носом, складная фигурка. Особенно хороша была улыбка рыжей: ясная, заразительная. Образ «женщины нового времени» очень подходил этой энергичной особе, и было весьма затруднительно представить её в ином виде.

– Алечка, позволь тебе отрекомендовать, Натан Ильич Титов, тот самый офицер из столицы, которого мы ожидали. В отличие от некоторых, господин поручик явился к сроку, даром что добирался из Петрограда, а не через две улицы, – с мягким укором представил он.

– Ну, я же не поезд, чтобы ходить по расписанию, – отмахнулась девица, с благожелательным любопытством разглядывая Титова.

– Аэлита Львовна Брамс, – продолжил полковник.

– Приятно познакомиться, – Натан вежливо склонился к руке столь своеобразной дамы и не удержался от вопроса. – Аэлита?.. Это в самом деле ваше имя?

– Ох, не начинайте! – горячечно всплеснула руками девица – или госпожа? – Брамс. – Дяде Алёше чертовски повезло, что он пятый год в наши края носа не кажет. Хотя, может быть, потому и не кажет...

Однако целиком узнать эту наверняка в высшей степени любопытную историю Титову сейчас было не суждено, потому что Пётр Антонович продолжил представление девушки самым неожиданным образом.

– Аэлита – тот бриллиант среди вщевиков, о котором я рассказывал. Лучшая в своём деле, Институт нам отдавать не хотел, еле отбили! – с видимой гордостью сообщил Чирков, тепло поглядывая на экстравагантную особу.

Здесь Натан наконец осознал то, о чём стоило бы догадаться раньше. И если поначалу он воспринял причуды Брамс снисходительно, даже с некоторым любопытством, то, стоило выяснить, что она не просто состоит в уголовном сыске, но определена к нему в помощники, как терпимости в поручике поубавилось. Мало того что внешний вид бесконечно далёк от уставного, манеры поведения совсем не сочетаются с образом полицейского служащего, но ведь это...

– Женщина? – потрясённо проговорил поручик. – Но...

Лицо Аэлиты тотчас поскучнело, аккуратный носик неприязненно наморщился, а взгляд, которым был облит петроградец, явно пытался одного заморозить.

– Любезный Натан Ильич, поймите меня правильно, Алечка, конечно, моя двоюродная племянница, но здесь не идёт речи о кумовстве, – торопливо заговорил Чирков. – Она действительно замечательный специалист, спросите вот хоть у институтской профессуры, они не дадут соврать. Поймите меня правильно, я бы ни в коем случае...

– Как надену португею – всё тупею и тупею! – тем временем негромко пропела себе под нос Аэлита, приближаясь к Натану. Обошла его кругом, остановилась позади, зачем-то потыкала пальцами в спину. Потом вдруг опустилась сбоку на корточки, задрала полу кителя и ошупала ногу.

Поручик настолько опешил от действий странной девицы, что застыл изваянием. Да и Пётр Антонович, осекшийся на полуслове, отмер только тогда, когда Брамс распрямилась, звучно отряхнула ладони и, завершив обход Титова, задумчиво буркнула: «Странно, нет...»

– Аэлита! – громыхнул Чирков. От гнева его лицо пошло бледно-красными пятнами, а усы нервно шевельнулись, будто сами собой. – Что за поведение?! Что ты себе позволяешь?!

– Дрын ишу, – спокойно ответила рыжая, ничуть не взволнованная негодованием родственника.

– Какой дрын? – переглянувшись с Натаном, ошеломлённо спросил полковник, мгновенно растерявший весь запал. Не иначе, от удивления.

– Обыкновенный, деревянный. Ну или необыкновенный, не деревянный... Видите ли, дядюшка, спина человека имеет некоторый изгиб, она просто не может быть столь прямой, – Брамс пальцем в воздухе начертила, какую форму, по её мнению, должна иметь спина. – Природа вообще не терпит прямых линий, также и в человеке. Ноги, и спина, и черты лица, и особенно извилины в мозгу... Как вы думаете, у него только спина прямая? – полюбопытствовала

она, сначала выразительно обведя взглядом фигуру поручика, а потом – пристально уставившись на его лоб.

– Неизвестно, что хуже: прямой и ясный путь или лабиринт без выхода, из одних тупиков, – отвечая девице прямым насмешливым взглядом, отозвался Натан, едва удержавшись от улыбки. Укол Аэлиты, несмотря на витиеватость, звучал по-детски наивно, отчасти из-за предшествовавшей тому глупой ребяческой дразнилки, и обижаться на подобное было нелепо.

Девушка Брамс чем дальше, тем явственнее показывала себя исключительно забавной и необычной особой. Не будь она при этом служащей уголовного сыска, и поручик горя бы не знал...

– Аэлита! – возмутился Пётр Антонович. – Натан Ильич, и вы туда же!

Пятна на лице полицмейстера слились в одно, полковник покачался и стал по-рыбьи хватать ртом воздух.

Служащие переглянулись с одинаковым удивлением, написанным на лицах, и с равной поспешностью кинулись к Чиркову. Подхватили под локти, усадили в кресло. Поручик расстегнул ему мундир и ослабил галстук, давая больше воздуха, положил ладонь на грудь против сердца. Полковник замер, почти не шевелясь. Титов нахмурился.

– Воды, – бросил девушке.

В этот раз Аэлита не стала пререкаться, воинственность слетела с неё в мгновение, оставив искренний испуг и неподдельную тревогу: шутка ли, родного дядю, даром что двоюродного, до удара довести!

Она направилась к окну, отёрнула тонкую дневную штору и подняла с подоконника тяжёлый хрустальный графин со стаканом. Тревожно звякнуло. Плеснула вода – в стакан, частью на руки и подол девушки, чего Брамс даже не заметила. Бросив украдкой взгляд на мужчин, она для начала отпила сама, долила ещё, не глядя пристроила графин на стол.

Пока вѣщевичка возилась с водой, Чиркову явственно полегчало. Краска отхлынула от лица, оставив естественный цвет, дыхание стало ровнее и глубже. Аэлита тихонько приблизилась, обеими руками крепко, до побелевших пальцев, сжимая стакан, переводя полный тревоги взгляд с дяди на своего нового начальника и обратно.

Стоящий на коленях подле кресла, поручик выглядел до крайности сосредоточенным и напряжённым, и девушка с изумлением отметила испарину, выступившую на высоком лбу. А через мгновение едва не хлопнула себя с досады по лбу, сообразив наконец, что делает Титов. По всему выходило, он – *живник*, то есть прирождённый доктор, способный силой своего дара договариваться с живыми существами так, как вѣщевики договариваются с рукотворными. Видимо, даром своим петроградец владел, и неплохо, коли сумел помочь.

Казалось, вечность прошла, пока Натан, шумно вздохнув, отвёл руку. Пётр Антонович негромко кашлянул, несколько раз осоловело хлопнул глазами, будто не понимая, где он есть и что с ним происходит. Остановил взгляд на поручике, бездумно проследил, как тот тяжело поднимается на ноги, ещё раз моргнул – и, вздрогнув, наконец очнулся.

– Боже правый! Что ж это?.. – проговорил он, потрясённо глядя на молодых людей и нервно потирая ладонью грудь.

– Нехорошо, Пётр Антонович, так себя запускать, – проговорил Титов мрачно. Голос поручика зазвучал сипло, ржаво. – Давно вы у лекаря были? Сердце когда проверяли?

– Так я же это... Вот как в полицию перешёл. – Чирков вновь бестолково моргнул. Выглядел он сейчас потерянным и совсем не солидным, скорее жалким.

Опомнившись, Аэлита протянула зажатый в руках стакан. Дядя оный даже не заметил, зато углядел Натан. Схватил столь резко, что девушка дёрнулась от неожиданности, отрывисто кивнул в знак благодарности и в три шумных глотка опрокинул воду в себя. Аля зачарованно проводила взглядом сначала хрусталь стакана, потом – тонкую струйку, сбежавшую из уголка

губ к подбородку и по дёрнувшемуся в такт глоткам кадыку за крахмальный воротничок мундира.

В этот момент полковник наконец полностью взял себя в руки, с кряхтением поднялся, шупая то грудь, то расстёгнутый ворот.

– Натан Ильич, голубчик, что же это такое было?

– Говорю же, сердце у вас шалит, – со вздохом отозвался тот и растерянно огляделся, не зная, куда деть стакан и отчего-то не решаясь поставить на начальственный стол. – К лекарю непременно загляните, кто знает, чем это в следующий раз закончится!

– Ох, и правда, – тихо качнул головой Чирков. Взгляд его запнулся о племянницу, и та, по постожевшему лицу полицмейстера предчувствуя выволочку, едва подавила порыв стыдливо втянуть голову в плечи. Но тут же, назло себе, решительно распрямилась, даже подбородок упрямо вздёрнула. – Аэлита Львовна, – твёрдо заговорил полковник, – будьте любезны впредь воздерживаться от этого вот мальчишества. Натан Ильич – ваш новый начальник, и он не обязан терпеть подобные выходки. Вы специалист редкого уровня, но такое поведение недопустимо не только для служащего полиции, но для любой приличной... любого приличного человека! Я понятно излагаю?

– Так точно, – сквозь зубы процедила девушка, вытянувшись во фронт. Скулы её побелели от гнева, а глаза, напротив, грозно потемнели. – Разрешите идти?

– Идите, – устало вздохнул Чирков.

– Погодите, Аэлита Львовна, – окликнул её поручик. Обернулся к полковнику. – Разрешите? – Дождавшись кивка, вновь обратился к девушке: – Соберите, пожалуйста, всех служащих уголовного сыска, которые сейчас в городе, – попросил ровно, но осёкся, замаялся и снова озадаченно посмотрел на полицмейстера: – Только вот... где?

– В двадцать третьей комнате, – пришёл тот на выручку с тяжёлым вздохом. – Там уголовный сыск и квартирует.

– Ладно, – ворчливо отозвалась Брамс и вышла. О протесте с представлением из себя вымуштрованного солдата она, по всему виду, забыла.

– Вы не сердитесь на Алечку, Натан Ильич, – со вздохом проговорил Чирков. Грузно опустился в своё кресло, упёрся взглядом в графин, побарабанил пальцами по столу, потом снова вздохнул и продолжил. – Поймите меня правильно, она хорошая девочка, умница, но чудачка. Вроде бы и ничего, но иной раз такие вот коленца выкидывает. Порой мнится, будто смеётся она надо всеми, нарочно гадости делает, уж и зла на неё не хватает, а вдругорядь глянешь – и ясно, что нет в ней пакостности никакой, она словно в самом деле не понимает, за что на орехи получает. Как дитя малое, ей-богу! Да у ней и батюшка такой, Лев Селиваныч, тоже чудак изрядный. Но Лёва помягче – тихий, даже робкий, а в Алечке ну точно бес какой сидит. И в кого она такая, ума не приложу!

– Будьте покойны, Пётр Антонович, и в мыслях не было сердиться. Вы точно заметили, она будто дитя. Но неужели супруг её...

– Господь с вами! – полицмейстер устало махнул на Натана обеими руками. – Был бы супруг, и мыслей бы дурных, глядишь, не было. А у ней то учёба, то сыск... Нет, поймите меня правильно, она и в самом деле лучшая во всём городе, если не в губернии, но... Эх, ну не бабское ведь это дело! Государю-императору оно, конечно, виднее сверху, что для страны верно будет, да только, скажу между нами, бабе работа – дом, семья, детишки. Рукоделия всякие, – продолжил Чирков, понизив голос на полтона и опасливо поглядывая на дверь, словно ждал возвращения разъярённой девицы Брамс или вторжения кого похуже. – Да хоть бы в гимназии преподавать или пусть в институте лекции читать! А то преступники! Да ещё тарантас этот её, прости Господи... – он перекрестился и едва не сплюнул.

– Какой тарантас? – растерянно спросил поручик.

Нынешние откровения полковника были Титову куда интереснее прежних городских баек. Всё-таки что бы ни думал об этом сам Натан, а с Аэлитой ему впредь предстоит работать, и выяснить кое-какую информацию о ней было нелишне. Остальные служащие и уже, считай, подчинённые, конечно, тоже интересовали Титова, но – в куда меньшей степени. Офицер с трудом мог представить, чтобы в уголовном сыске С-ской губернии собрались одни исключительные экземпляры вроде девицы Брамс; нет, Натан готов был биться об заклад, что кого-то более удивительного не встретит не только в сыске, но и во всём Поречском отделении Департамента полиции.

Но полковник, видать, решил, что излишне разговорился, и в ответ лишь махнул рукой и вымолвил мягко, покровительственно:

– Идите, Натан Ильич, там уж небось собрались все. С Богом!

Поручик, конечно, не стал настаивать. Поднялся с места, забрал фуражку, сиротливо лежавшую до сих пор во втором кресле, с коротким кивком щёлкнул каблуками и, по-военному чётко развернувшись через плечо, подошёл к двери. Но на пороге всё же замешкался и обернулся к хозяину кабинета.

– Пётр Антонович, – привлёк он внимание задумчиво созерцавшего графин полковника и продолжил твёрдо: – Обратитесь к лекарю. Сегодня. Сердце – не шутки.

– Идите, Натан Ильич, идите, – чуть поморщившись, отмахнулся полицмейстер.

Дольше мозолить глаза начальству было не только неуместно, но даже вредно, так что Титов вышел и отправился на поиски двадцать третьей комнаты, решая на ходу новую задачу нравственного выбора: стоит ли настоять на своём и направить Чиркова к лекарю или не лезть не в своё дело. Поручик прекрасно знал такую породу немолодых деятельных людей, полагающих себя юными до самой могилы: полицмейстер наверняка уже выкинул из головы рекомендацию младшего офицера, отлегло – и ладно, и возможности повлиять на него Натан не имел.

В итоге Титов всё-таки решил, что, коль скоро он проявил участие и взял на себя некоторую ответственность за полковничье здоровье, стоит довести дело до конца. Сердце у полицмейстера в самом деле оказалось ни к чёрту, и того, что сумел подлатать поручик, вряд ли хватит надолго. Натан всё же не врач, и хоть владел даром в достаточной мере, был не столь силен и искусен, чтобы за один раз исправить проблему, зреющую годами.

Однако пока мужчина блуждал сумеречными, высокими и гулкими коридорами старого здания, заляпанными пятнами тусклого света от слабых ламп накаливания в мутных плафонах, одна полезная мысль насчёт начальственного здоровья появилась: поговорить об этом с девицей Брамс. Если сама она вряд ли сумеет оказать влияние на старшего родственника, то всяко с большей вероятностью подскажет верный подход.

Глава 2. Сыскная контора

Аэлита же с момента, когда за её спиной закрылись двери кабинета полицмейстера, вдохновенно негодовала или, вернее, старательно дулась на дядю.

Он ведь отчитал её как несмышлёную девчонку перед этим столичным хлыщом, кой чёрт только принёс его именно в этот город! И отчитал, что самое обидное, на ровном месте, она же не сделала ничего, стоящего подобной отповеди. Ну сказала колкость, так ведь Титов – так, кажется, его фамилия? – первый начал! Да ещё поручик, даром что фронт и шовинист, как большинство военных, кажется, среагировал куда спокойней. И стояла ли подобная мелочь такой выволочки?

Однако если глянуть глубже, то можно было обнаружить, что Аэлита куда больше сердилась на саму себя, только гордость мешала в этом признаться.

Когда Чиркову неожиданно стало плохо, Брамс растерялась и ужасно перепугалась, и не оказавшись в то мгновение рядом нового офицера, неизвестно, чем бы всё закончилось: девушка, может, и на помощь позвать не догадалась бы, так и стояла статуей посреди кабинета.

Аэлита, разумеется, радовалась, что всё обошлось – она не желала зла дяде, – но сердиться на поручика, оказавшегося таким решительным и сообразительным, это не мешало, даже больше укрепляло девичью обиду.

Будучи, несмотря на свойственный всем вѣщевикам математический склад ума, натурой порывистой и романтической, даже где-то мечтательной, Аэлита с детства зачитывалась приключенческими романами и, разумеется, грезилась о том, чтобы оказаться на месте героев. Она сердилась, когда книжные персонажи ошибались, терялись, совершали глупости. Она точно знала, что в щекотливой ситуации непременно сохранила бы холодный ум и твёрдую руку. Она в уголовный сыск-то пошла только для того, чтобы окунуться наконец в гущу захватывающих событий, и ужасно страдала, что С*** – тихий провинциальный город, в котором за два года её службы не произошло ни одного по-настоящему загадочного и опасного события, кое позволило бы ощутить себя книжной героиней, да и дел, в которых требовалась её помощь, прежде не случалось.

А вот сейчас, когда чаяния её были услышаны и обстоятельства сложились пусть не романтическим, но тревожным образом, оказалось, что героиня из Аэлиты – так себе. Может быть, даже похуже книжных.

Брамс раз за разом в мыслях возвращалась в минувшие мгновения, в красках представляла верные действия, которые *могла бы* совершить, и расстраивалась ещё больше, потому как шанс был безнадежно упущен, а героем себя показал петроградец, совсем даже не она. Понятное дело, симпатии к оному это не добавляло. Поначалу показавшийся Аэлите обаятельным, Титов разрушил это впечатление почти сразу, задев больное место девушки, а теперь и вовсе мнил ей на редкость противным, гадким человеком, словно всё это он проделал ей назло, и ещё насмеялся над её растерянностью.

Одно только немного утешало расстроенную Брамс и не позволяло ей сгореть от стыда: всё произошло за закрытыми дверями, без свидетелей. Оставалось надеяться, что воспитания поручику хватит на то, чтобы история и впредь не ушла дальше полковничьего кабинета. Последняя мысль, впрочем, была продиктована той же злостью, значимых поводов сомневаться в чести офицера у Аэлиты не было.

Пожалуй, именно это сердило особенно: Титов казался безупречным, и хотелось найти в нём возможно большее количество настоящих, глубоких изъянов, лучше всего – неприглядных до омерзения.

А вот откуда именно возникло это желание, Аэлита задуматься не догадалась.

К счастью, душевные терзания не помешали девушке вспомнить о нуждах внешнего мира, а именно – о распоряжении поручика. Сайгаком скакать по трём этажам Управления в поисках не сидящих на месте служащих Брамс, конечно, не собиралась, поэтому из кабинета полицмейстера направилась прямо в холл у парадного входа здания. Здесь, сбоку от высокой уличной двери, за тяжёлой потёртой конторкой, неизменно скучал один из младших чинов, в обязанности которому вменялось наблюдать за посетителями и вести учёт, записывая входящих и выходящих.

На деле работы у привратника было куда меньше, чем у его стола, а вернее, у стоявшей на нём пишущей машинки и прочих вѣщей, кои несли службу у каждого из многочисленных подъездов большого здания Поречского отделения Департамента полиции.

Все служащие имели на шее вѣщевой номерной жетон, кровью и чарами привязанный к ним лично, а покрытые незаметной резьбой наличники, имевшиеся на каждой из дверей здания, и единственные шумные ходики, висевшие за спиной стража, сообщали простой на вид пишущей машинке все нужные сведения – имя, чин, время прибытия и убытия, номер подъезда. Жетон сложно было потерять или выкрасть, это было одно из главных его свойств, но, если подобное всё же случалось, воспользоваться им для прохода до сих пор не получалось ни у кого – вѣщи мгновенно поднимали тревогу.

Сторонних же посетителей, о визите которых предупреждало мелодичное треньканье дверного колокольчика и которые собственно являлись основным полем деятельности дежурного, в управлении всегда бывало немного.

Сегодня привратник – белобрысый, жизнелюбивый, едва из училища, младший урядник² Алексей Репица – отчаянно скучал. Большинство служащих предпочитало пользоваться иными, более скромными подъездами, и с самого утра мимо дежурного прошло не больше трёх десятков человек, из которых лишь двое потребовали его пристального внимания, то есть выдачи пропуска и проверки документов. Поэтому явление к нему с вопросами кого-то из служащих, тем более молодой, симпатичной девушки, заметно оживило Репицу.

– ...Из уголовного сыска? – уточнил он и потянулся к листам, заполненным ровными рядами печатных букв. – Одну секундочку, сударыня, сейчас я...

– Не стоит, – махнула рукой Брамс, оценив толщину стопки и некоторую неуверенность младшего урядника. – Мы поступим проще.

С этими словами девушка проворно открыла висящий у бедра тубус и извлекла из него тонкую резную флейту. Под любопытным взором дежурного поднесла к губам, прикрыла глаза. Репица аж подался вперёд от нетерпения, жадно глядя на тонкие белые девичьи пальцы и ожидая, что вот сейчас они сотворят нечто волшебное, прекрасное...

Флейта взвизгнула столь резко и пронзительно, что дежурный отпрянул в испуге, едва не опрокинувшись вместе со стулом, а затем и вовсе крепко зажал руками уши: Аэлита Львовна не ограничилась несколькими взвизгами и с безмятежным видом продолжила терзать инструмент, извлекая из него противоестественные, жуткие звуки.

Пытка, к счастью, длилась недолго. Брамс отняла от губ флейту, не сводя внимательного взгляда с пишущей машинки, и та спустя пару мгновений разразилась тревожным стрекотом, тем более странным, что клавиши и молоточки её оставались в покое. А через мгновение в нутре машинки что-то звякнуло, и вдруг сбоку клацнула крошечная дверца, из которой выстрелила длинная лента из жёлтой бумаги, точь-в-точь телеграфная, и, подобно телеграфной, испещрённая круглыми дырочками, складывающимися в затейливый непонятный узор. Аэлита уверенным движением оборвала ленту, закрыла дверцу, погладила кончиками пальцев лакированный бок печатной машинки, будто благодарила.

² Урядник – полицейский чин, соответствующий унтер-офицерскому (сержантскому) воинскому званию.

– Занятно! – не удержался от замечания Репица, наблюдая, как девушка медленно тянет перфоленту между пальцами, ощупью перебирая дырочки, будто читая, и с отсутствующим видом глядит куда-то в пространство перед собой. – Не думал, что она такое может.

– Она умница, – рассеянно улыбнулась Брамс.

Собственно, главной обязанностью вѣщевички в полиции и являлась вот эта машинка и остальные вѣщи, выполнявшие сторожевую, защитную и учётную задачи. Талантливая девушка с большим интересом следила за всеми новинками и последними мировыми веяниями, неустанно совершенствовала своих подопечных и тем позволяла считать здание Департамента неприступным: даже Охранке было до такого уровня далековато, что являлось особым предметом гордости полицмейстера. А что талантливая и незаменимая вѣщевичка желала считать себя следователем и предпочитает числиться служащей уголовного сыска – так чем бы дитя ни тешилось, Чирков был согласен и потерпеть.

Аэлита вновь погладила пишущую машинку, кивнула дежурному и, молча развернувшись, двинулась обратно в недра Департамента.

Служащих уголовного сыска в здании сейчас оказалось пять человек, не считая самой Брамс, и начать поиски девушка решила, на всякий случай, со всё той же двадцать третьей комнаты, логова уголовного сыска города С***.

Большое помещение с высоким сводчатым потолком и окнами на запад выглядело одновременно необитаемым, как старая кладовка с рухлядью, и до странности уютным, как с любовью обустроенная гостиная в родительском доме. Несколько разномастных письменных столов и конторок, которые роднила между собой их потёртость, терялись в затейливом лабиринте книжных шкафов. Закрытая спинами стеллажей и незаметная от входа, в дальнем углу пряталась старая тахта, застеленная линялым ковром, подле которой имелся простой, грубо сколоченный стол о четырёх ножках с возвышавшимся посередине примусом.

Не объяснить в двух словах, почему следователи по уголовным делам города С*** квартировали именно в этом необычном помещении, пребывающем в столь странном беспорядке. Это был неизбежный и в чём-то закономерный результат постепенного исторического процесса.

Начинался сыск с двух человек, которые помещались в небольшом светлом кабинете; с ростом города и губернии штат расширялся, следователи перебирались из помещения в помещение со всеми пожитками. Восемь лет назад уголовный сыск занимал три комнаты в разных концах здания, и тогда одновременно в двух из них случился ремонт: в Департамент полиции приползла новая электрическая проводка.

Выселенных сыскарей временно переместили в просторную двадцать третью комнату, прежде являвшуюся частью архива, потихоньку к ним перебрались и остальные товарищи с привычной, родной мебелью – и именно здесь уголовный сыск С-ской губернии неожиданно обрёл уютный дом, мир и покой, впоследствии наотрез отказавшись перебираться куда-то ещё.

Порой полицмейстер заводил речь о наведении порядка – дескать, нехорошо это, не может гордость полиции иметь столь непрезентабельную наружность, однако следователи слишком серьёзно тут обжились и потому накрепко упёрлись. В настоящее время между сторонами действовал негласный договор, устраивавший всех: Чирков обходил двадцать третью комнату дальней дорогой, а её обитатели по возможности общались с гражданскими и служащими иных ведомств в других помещениях, имевших более солидный вид.

В логове уголовного сыска обнаружилось трое.

Платон Агапович Бабушкин имел чин губернского секретаря, занимал должность старшего следователя (коих в уголовном сыске числилось три, и одну из них завели специально для него) и был уважаем всем полицейским управлением как патриарх: он начинал службу ещё при Александре II жандармом. Сейчас ему было под восемьдесят, и этот сухой старик с шаркающей походкой, мутными от возраста глазами и скрипучим голосом выполнял функцию не следова-

тельскую, а больше музейную и реже справочную, когда речь заходила о делах прошлого века. В Департамент он таскался исключительно от скуки, чтобы побыть в хорошей компании среди стен не менее родных, чем брёвна старого домика, в котором Бабушкин появился на свет. Дома Платону Агаповичу не сиделось: жену он схоронил уже лет двадцать тому назад, дети давно выросли, и хоть навещали старика, но не вековать же им подле его постели. Тем более при своём тщедушном виде и почтенном возрасте Бабушкин сохранял завидную бодрость – когда не спал, вот как сейчас, в своём углу между стеной и шкафом, уронив плешивую, покрытую пигментными пятнами голову на впалую грудь.

За одним из столов сидели Владимиры Шерепа и Машков и вяло перебрасывались в подкидного засаленными, вытертыми картами. Белобрысый, с узкими бровями и длинными белёсыми ресницами, Машков был слабым, но умелым вѣщевиком; рыжевато-русый, с тонким ироничным ртом и хитрыми зелёными глазами Шерепа – отлично стрелял с обеих рук и обладал чутьём бывалой ищейки. Вместе они составляли весьма удачную пару.

Эти два крепких коренастых мужчины средних лет были почти неразлучны с момента поступления на службу, за годы дружбы и на лицо стали как будто похожи, и в полиции города С*** за глаза (а порой и, забывшись, в лицо) именовались не иначе как Шерочка с Машерочкой. На прозвище, возникшее лет десять назад, поначалу злились, даже дрались на дуэлях, но потом устали и смирились – оно оказалось слишком прилипчивым и живучим.

При появлении Аэлиты Владимиры поднялись в знак приветствия и одновременно кивнули.

– Ну, что скажешь? – обратился к девушке Шерепа, на чьи плечи в неразлучной паре обыкновенно ложилась обязанность вести беседы: бойчее и разговорчивей друга, он исполнял её с заметной охотой.

– Ничего, – растерялась вѣщевичка, но тут же нашлась: – Впрочем, нет, скажу. Вы не знаете, где остальные? Элеонора, Адам? И те, кто сегодня вообще не явился, – спросила она, проходя к своему столу.

Двухтумбовый, широкий, он был заставлен разнообразными ящичками и шкатулками – от махоньких, в полпальца, до солидных ларцов. Между ними стояли в стаканах или лежали просто так всевозможные инструменты: там пучок отвёрток, тут букет линеек с пассатижами посередине. Позади стола грозно высился кульман со старой, выщербленной местами доской и неожиданно новым и блестящим чертѣжным прибором.

– Где-то здесь, – пожал плечами следователь. – Ты по делу что скажешь?

– По какому делу? – Аэлита, в это время вынувшая из одного ящика стопку плотной коричневой бумаги и толстый механический карандаш с жирным угольным стержнем, изумлённо выгнула брови.

– Вов, не так спрашиваешь. Когда ты уже научишься? Третий год пошёл, – чуть поморщился Машков. Голос у вѣщевика был тихим, но твёрдым. – Аля, ты петроградца этого видела? Как держится, как себя ставит?

Однако ответить Аэлита не успела: шумно распахнулась дверь, и на пороге возникла Элеонора Карловна Михельсон.

Высокая, сухая и желтокожая от неумеренного употребления табака женщина средних лет – где-то от тридцати до шестидесяти – с породистым тонким лицом и шальными глазами заядлой кокаинистки (это была видимость: коллекция дурных привычек её была не столь внушительна) имела чин внетабельного канцеляриста и значилась в Департаменте делопроизводителя, закреплённым за уголовным сыском. Она составляла отчёты, ведала личными делами следователей, готовила справки и письма во всевозможные инстанции. Обитатели двадцать третьей комнаты настолько привыкли к мерному клацанью, кое извлекала Элеонора из своей пишущей машинки в рабочее время, что, глядя на её длинные, узловатые пальцы, всякий раз

непроизвольно прислушивались, ожидая, что вот-вот те же щелчки начнут издавать собственные суставы Михельсон.

Но особенно примечательна делопроизводительница была не этим. В свободное от службы время она очень внимательно следила за модой, заказывала петроградские журналы и состояла в переписке с некими весьма сведущими в этом вопросе особами, и с точки зрения отстающих от столичного прогресса провинциальных жителей выглядела крайне экстравагантно. На взгляд старшего поколения – возмутительно, по мнению прочих – восхитительно смело. Чего, собственно, и добивалась. Вычурные шляпки, прямые летящие одеяния, папироса в мундштуке, браслеты на тонких запястьях – она, несмотря ни на что, была хороша как картинка со страниц модных журналов. Казалось, те, кто придумывал наряды нового времени и решал, что станут носить женщины, вдохновлялся именно лицом и образом Михельсон. Да в моде были не платья; в моде была сама Элеонора – худая, развязная, уверенная в себе – и оттого женщина ощущала себя совершенно счастливой, с громадным удовольствием переживая вторую юность.

Не столько по долгу службы, сколько по велению души Михельсон знала всё обо всех или по меньшей мере к тому стремилась. Не только о своих подопечных, к которым относилась с особой материнской нежностью, но о всяком служащем Департамента и, как порой чудилось, о каждом жителе города С***. И сейчас Элеонора отчаянно страдала, это было заметно по её порывистым движениям и заломленным бровям: в Департаменте появился человек, о котором Михельсон не знала *ничего*, кроме его имени и должности, поскольку делами старших офицеров занимались совсем другие люди и они не желали делиться сведениями. Не из нелюбви к Элеоноре, просто болтунов здесь не жаловали, а каждый служащий дорожил своим местом.

– Деточка, ну? Каков собой этот петроградец? – с обычным своим лёгким акцентом, чуть картавя, проговорила она, быстрым шагом приблизилась к столу Аэлиты и, бесцеремонно подвинув бедром какой-то ящичек, присела на край, требовательно взирая на вѣщевичку.

– Что значит «каков»? Две ноги, две руки, голова. Одна, – растерянно проговорила Аля, аккуратно отодвигая подальше от Элеоноры шкатулки с наиболее хрупким содержимым. Но Михельсон такой ответ явно не удовлетворил, та продолжала выразительно *смотреть*, и Брамс неуверенно добавила, отчего-то с вопросительной интонацией: – Мундир?

– «Одна голова в мундире»! – передразнила Элеонора, театрально всплеснула руками и открыла небольшую сумочку, висевшую через плечо. – Деточка, ты меня поражаешь, – сквозь зажатый в зубах мундштук заявила она. – Молодой, яркий. Какой разворот плеч, какой рост! Мужественный подбородок, тёмные волосы, – не прекращая выразительно жестикулировать, Михельсон достала серебряный портсигар, вытряхнула оттуда папиросу и закрепила её в мундштуке. – Красавец мужчина! А ты – две руки... Ах, деточка, ну как так можно! Юна, свежа, хороша собой – а в таком мужчине видишь лишь руки да ноги, – она на несколько мгновений прервала свой монолог, раскуривая папиросу.

К счастью Аэлиты, Шерепа продемонстрировал похвальное проворство и отличную реакцию: перехватил ищущий взгляд Элеоноры, взмахом руки загасившей спичку, и своевременно сунул ей старую мраморную пепельницу, когда-то белую, а теперь – серо-бурую в разводах. Бог знает, чем бы закончился разговор, не успеет Вова с галантным жестом; мог бы и кровопролитием, ткни Михельсон спичкой в какую-то из множества нежно любимых Аэлитой вѣщей.

– Впрочем, – задумчиво продолжила Элеонора, выпустив сизый дым несколькими неровными кольцами, – руки у него и вправду хороши. Ах, эти сильные мужские руки! – мечтательно проговорила она, на мгновение обняла себя одной рукой, а потом ей же махнула на вѣщевичку. – Нет, деточка, я решительно тебя не понимаю!

– Это я не понимаю, что не так у него с руками, – окончательно запуталась Аэлита и затрясла головой. – И что ещё ты желала о нём узнать, если, кажется, и так знаешь куда больше, чем я?

– У меня сложилось впечатление, что Элеонора предлагает тебе к нему присмотреться. Как к мужчине, – пряча ироничную улыбку в уголках губ, пояснил Машков: он лучше прочих понимал логику Аэлиты и порой выступал толмачом. На это предположение девушка ответила потерянными и почти испуганным взглядом, и Владимир решил, что нужно спасать положение, а потому обратился к старшей женщине: – Почему ты сама в таком случае к нему не присмотришься?

– Ах, Володенька, я знаю такой тип мужчин, – отмахнулась Михельсон. – Это романтический персонаж, защитник, который будет возвышенно страдать и носить свою прекрасную любовь на руках, – с патетикой завершила она, простёрши свободную ладонь к небесам. Выдержала театральную паузу, выдохнула дым и, буднично махнув той же рукой, завершила: – Я уже не в том состоянии души, когда всё это трогает. Я предпочитаю, когда трогают...

– Элеонора! – с укором оборвал её Машков, в очередной раз подумав, что Михельсон – совсем не подходящая компания для юной благовоспитанной девушки, а Брамс, невзирая на странности, оставалась именно таковой. И иначе как чудом объяснить тот факт, что влияние Элеоноры до сих пор не дало плодов, не получалось.

– Честно говоря, я совсем об ином спрашивал, – присоединился к другу Шерепа. – Ставит этот петроградец себя как? Что из себя характером представляет? Не выметет нас всех отсюда новая метла?

Аэлита хмуро пожала плечами, не зная, что на это ответить, а потом с облегчением кивнула на дверь:

– Да вон он сам как раз, у него и спросите!

Неизвестно, как давно стоял на пороге поручик Титов, выражение лица его оставалось невозмутимым, но присутствующие ощутили неловкость. Впрочем, не все: Бабушкин продолжал тихо спать в своём углу, смутить Элеонору на памяти служащих уголовного сыска не удавалось никому, а Аэлита просто не поняла проблемы. Владимир поднялся с мест, кивком поздоровались, не решаясь заговорить.

– Добрый день, – первым нарушил неловкое молчание Натан, подходя ближе к компании и с интересом озираясь. Неприязни в его глазах не было: то ли двадцать третья комната не впечатлила столичного франта, то ли он слишком хорошо умел держать лицо, но в любом случае оба следователя немного расслабились.

Поручик смотрелся здесь куда менее уместно, чем в аккуратном кабинете полицмейстера С-ской губернии. Идеально выглаженный, с иголки, белоснежный мундир, сапоги что твоё зеркало, гладко выбритое лицо, аккуратно подстриженные волосы... не то что Шерочка с Машерочкой – одинаково помятые, чуть взъерошенные, с лоснящимися локтями уже серых от частой чистки кителей.

Если приглядеться, можно было заметить, что Машков всё же несколько аккуратнее друга. Не в силу личных качеств, а благодаря удачной женитьбе: в отличие от Шерепы он был человеком семейным и ходить совсем уж втрёпаным не имел возможности. Поначалу, когда его супруга Шурочка только взялась за воспитание Володи, он тоже смотрелся настоящим франтом, но через год семейной жизни запал женщины угас, приличного вида Машкову хватало до первого выезда на место преступления. Да и вообще, служба следователя в губернии совсем не располагала к сохранению холёности: то в седле, то на коленках, то и вовсе на пузе.

И каждый раз полицейские негодовали и ворчали, недобрый словом поминая человека, определившего для служащих летний мундир белого цвета, даром что форму полицейским всегда делали вщёвики, и потому ухаживать за ней было всё же куда проще. Конечно, устав требовал носить этот китель только в департаменте и при работе с населением, на задержание или в засаду допускалась другая одежда, гораздо более удобная и не столь броская. Но «работа с населением» сменялась другой зачастую непредсказуемо, и в большинстве случаев полицейские просто не успевали переодеться.

Почему начальство столь строго следит за цветом формы – объяснения имелись разные, от смешных до вычурных, но Шерочке с Машерочкой всегда казалось самым правдоподобным то, что белые кители полицейских очень нравились государю, он даже сам носил подобный. И казалось бы, где император, а где – рядовые служащие полиции; но стремление угодить самодержцу порой принимало странные формы.

– Титов, Натан Ильич, поручик, жівник, – коротко представился он.

Служащие сыска опомнились, какое-то время ушло на взаимные расшаркивания. Поручик приложился к руке поднявшейся с края стола Элеоноры, крепко пожал ладони Владимиров, поинтересовался личностью Бабушкина – в общем, произвёл на новых сослуживцев вполне положительное впечатление, и те позволили себе осторожный оптимизм: по крайней мере, столичный гость не спешил устанавливать свои порядки и строить сыскарей по ранжиру.

Брамс всё это время наблюдала за ним пристально, напряжённо, с прокурорским недобрим прищуром. Пока поручик расшаркивался, пока выяснял, что в городе из служащих уголовного сыска в настоящий момент присутствует ещё только Адам Чогошвили, который находился сейчас где-то в здании Департамента, а остальные следователи по долгу службы разъехались по губернии...

Наконец, Натан не выдержал подобного внимания и поинтересовался:

– Аэлита Львовна, что-то не так?

– А? – вѣщевичка вздрогнула, будто очнувшись, обвела фигуру поручика взглядом и со вздохом сообщила: – Не понимаю. И голова, и мундир – что я не так сказала?

– Аэлита, позовёшь Адама? – поспешил вмешаться Машков. – У тебя это лучше получается.

– Да, конечно, – опомнилась девушка, которая именно это и собиралась сделать до явления Элеоноры, и принялась расправлять листок, до сих пор лежавший перед ней.

Потом взялась за угольный карандаш, и бумага запестрела крупными печатными буквами, покрылась путанным узором линий и непонятных символов. Закончив с этим, девушка сложила из листка бумаги маленький самолётик. В этот раз доставать флейту Брамс не стала, а, по-простецки засунув оба мизинца в рот, издала резкий, переливчатый свист, после чего, не поднимаясь с места, запустила лист бумаги в полёт. Тот сделал плавный круг по комнате и, резко спикировав, выскользнул в широкую щель под дверью.

Титов проводил самолётик взглядом и с некоторым стыдом признал, что напрасно не верил полицмейстеру: вѣщевичка и вправду оказалась хороша. Наверное, лучше всех, с кем ему доводилось работать: всё же уголовный сыск обыкновенно не являлся пределом мечтаний людей с такими талантами. Вот этот фокус с самолётиком, который Аэлита проделала играючи, без подручных средств и заготовок был доступен единицам и говорил как об исключительно сильном даре, так и о редкой умелости, каковую трудно заподозрить в столь молодой особе. И верно – гений.

– Скажите, Натан Ильич, как вы находите наш город после столицы? – светским тоном осведомилась Элеонора.

– Прекрасно, очень симпатичный и тихий, – вежливо ответил тот.

– Вы потому и решили покинуть Петроград, устали от суеты? – ещё больше оживилась она.

– В некотором роде, – чуть улыбнулся Титов. – От суеты, да и климат вот переменял.

– Климат стоило менять на Севастополь, – со знанием дела заявил Шерепа. – У нас там море, красота! Вот где жизнь!

– А что же заставило вас, Владимир Семёнович, оставить море и перебраться в эти места? – любопытствовал в свою очередь поручик.

– Укачало, – рассмеялся тот. – Наскучило, знаете ли...

– Не слушайте вы его, – оборвала следователя Элеонора. – Он сюда переехал в возрасте пяти лет, сами понимаете, никто его мнением не интересовался. А расскажите, вот вы живник. Как же так получилось, что при этом – поручик, а не врач?

– Наверное, потому, что учебное заведение кончал военное, а не медицинское, – с лёгкой ироничной улыбкой отозвался Натан.

– Так вы, наверное, и в Великой войне участвовали? – продолжила расспрашивать Михельсон.

– Немного, – уже вполне явственно усмехнулся поручик. – Да что я там навоевал, всё больше с бумажками, – он махнул рукой, сделав вид, что не заметил, как скисла на этих словах Элеонора и каким задумчивым, недоверчивым и малость насмешливым взглядом окинул его Машков, прошедший Великую войну вольноопределяющимся. И проговорил, меняя тему: – Расскажите мне лучше подробнее, как в губернии обстоят дела с уголовными преступлениями? Так ли всё сонно, как уверяет Чирков?

– Ну да, сонно, – хохотнул Шерепа. – Слушайте его больше!

Мужчины, порой привлекая Элеонору в роли справочного бюро, обсуждали служебные дела, находя друг в друге если не дружеское расположение, то по меньшей мере уважительную приязнь. Титов радовал новых сослуживцев отсутствием спеси, Владимиры его в свою очередь – крепким знанием дела. Всё же Чирков, помянув уголовный сыск, стусил краски или даже зачем-то сознательно польстил Натану: может, некоторые современные методы и тонкости до провинции ещё не добрались, но следователи были совсем не глупы и, главное, весьма опытные.

Аэлита не принимала участия в общей беседе. В первую очередь она окончила чтение «Академического вестника», отложенного на время встречи с полицмейстером, а после занялась собственными рабочими записями: необременительную (ввиду непостоянства) службу в полиции Брамс успешно совмещала с чтением лекций в Федорке и научными изысканиями, в том числе с написанием докторской работы, так что трату времени на пустые разговоры она считала расточительством.

Но всё равно нет-нет да и возвращалась мыслями к петроградцу, и бросала на него косые взгляды, и настроение её всё больше портилось, хотя Аэлита и сама не могла бы объяснить почему. О событиях в кабинете полицмейстера Натан не упомянул и словом, недавних страхов Брамс не оправдывал, её тогдашней растерянностью не забавлялся и был исключительно вежлив, улыбочив, доброжелателен и остроумен. Через полчаса он совершенно покорила Элеонору, был уже на «ты» с обоими Владимирами, и только Аэлита, с сосредоточенным видом отгородившаяся столом от сослуживцев, находилась за пределами его внимания.

Наверное, вот эта лёгкость, недоступная ей самой, и сердила Брамс, вкуче с недавно проявленной решимостью и умением быстро думать в мгновение опасности. Поручик Титов до обидного походил на героев пресловутых приключенческих книг, любимых вщёвичкой, и Аэлита страшно ему завидовала.

Вскоре явился и Чогошвили, бережно сжимавший в руке бумажный самолётик. Энергичный, очень разговорчивый, обаятельный и улыбочивый, притом надёжный и готовый всегда прийти на выручку, Адам всего полгода как прибыл из Москвы, где окончил правовое училище по направлению сыскного дела, и за это время снискал общую любовь Департамента, особенно его прекрасной половины. Он уверял, что является потомком княжеского рода, но и сам, кажется, относился к этой мысли с изрядной долей иронии.

Как правило, Аэлита была рада видеть Адама – его искренность и живость подкупали, и ещё он редко ставил вщёвичку в тупик, потому что не имел губительной для неё привычки изъясняться намёками, а выражал мысли прямо и точно. Но сегодня и его общество не помогало развеять хандру.

Брамс уже почти решила покинуть присутствие и отправиться в Федорку, где в родных лабораториях её бы точно ничто не обеспокоило, но в это мгновение живой разговор служащих прервался резкой, пронзительной трелью: задрезжал телефон, стоявший на столе Элеоноры.

– Уголовный сыск слушает, Михельсон у аппарата! – отчётливо, с расстановкой и даже с какой-то торжественностью проговорила женщина. Свой, отдельный телефонный номер и аппарат в двадцать третьей комнате появились недавно, звонки случались нечасто, и делопроизводительница пока ещё гордилась обязанностью отвечать на вызовы.

А вот следователи при звуке телефона подобрались и переглянулись, даже Бабушкин в своём углу завозился и что-то забормотал – не то увидел тревожный сон, не то задумался о возможном пробуждении.

– На мысу, против Коровьего? Судебных вызвали? Выезжаем! – отрывисто проговорила она, сделав какие-то пометки в пухлой тетради. А после, уже положив трубку на блестящие телефонные рога, сообщила ожидающим пояснений следователям: – На мысу рыбаки выловили труп, молодая женщина, по виду – утопленница. Кого записываю на выезд? – Элеонора перевела вопросительный взгляд на Титова.

– На мысу-у, это же другой край города! – тоскливо вздохнул себе под нос Шерепа.

– Думаю, никто не станет возражать, если прогуляемся мы с Брамс? – чуть улыбнулся поручик. – Аэлита Львовна, вы утопленников не боитесь?

– Вот ещё! – возмутилась вѣщевичка, воинственно вздёрнув подбородок, хотя к трупам она и в самом деле относилась с опасением. Не столь значительным, чтобы визжать и падать в обморок, подобно трепетной курсистке, но всё же явственным. Однако признать это перед петроградцем? – Едем, – решительно кивнула она, подходя к шкафу за небольшим рабочим саквояжем: у каждого из полицейских вѣщевиков имелся такой, содержащий в себе полезные в деле вѣщи и другие мелочи.

Титов распахнул и придержал дверь, позволяя девушке выйти, и следом за ней шагнул через порог. Несколько секунд двигались в тишине, потом Натан предложил:

– Разрешите вам помочь?

– Чем? – растерялась Аэлита.

– С чемоданчиком, – ответил мужчина, но взгляд девушки не стал более понимающим, и поручик попытался уточнить: – Давайте, я его понесу. Зачем девушке таскать тяжести?

– Оставьте, он не тяжёлый, – поморщившись, недовольно отмахнулась Брамс. – Тем более там много хрупких вещей.

Ещё несколько шагов помолчали.

– Аэлита Львовна, я хотел бы извиниться, – вновь нарушил тишину Титов, и на этот раз Брамс ответила откровенно изумлённым взглядом. – За то, что во время разговора у Петра Антоновича выразил сомнения в ваших умениях и невольно обидел вас.

– Ничего страшного, – ответила она после долгой паузы.

Получилось ворчливо, да и раздосадованный взгляд, который вѣщевичка бросила на спутника, сложно было назвать извиняющим, но Натан решил всего этого не замечать: он уже понял, что девушка с выдуманном именем чудна в той степени, чтобы полностью это имя оправдывать. А вот как относиться к её словам и поведению и как держать себя с ней, он ещё не определился и потому принял решение пока наблюдать со стороны, на подначки не реагировать, держаться ровно и приветливо.

С остальными служащими было куда проще, общий язык с ними Титов нашёл без труда, и надежда на то, что служба на новом месте окажется немногим хуже прежней, а попытка начать жизнь с чистого листа увенчается успехом, лишь окрепла и почти превратилась в уверенность.

Владимиры, даром что воинский чин имел только один из них, походили на отставных офицеров, к числу которых Натан относился сам и с которыми привык служить вместе, среди полицейских их было большинство. Не договориться с Чогошвили было попросту невозможно,

это отрицалось самой его природой и обаянием, помноженным на энергию юности. Элеонора чрезвычайно походила на юных богемных фей, разменявших полвека, но в лучшую сторону отличалась от них простотой, искренностью и ясностью мысли, а также наличием в жизни постоянного, определённого и вполне достойного занятия, что вызывало в поручике симпатию. Даже спящий Бабушкин уже казался Титову родным и понятным, даром что офицер не услышал от него ни единого слова.

На этом светлом, приятном фоне чудачества Аэлиты не только не беспокоили Натана, но вызывали искреннее любопытство и желание разобраться, понять, как именно думает эта девушка и что происходит у неё в голове. Первые чувства – неодобрение и нежелание вести дела в паре с девушкой – схлынули, уступив место живому интересу.

– А ещё я бы хотел попросить вас о небольшом и, надеюсь, необременительном одолжении, – невозмутимо продолжил Натан. – Вы ведь состоите с Петром Антоновичем в родстве и знаете его семью? Он женат?

– Да, а почему вас это интересует? – насторожилась Брамс.

– Возможно, вы сумеете оказать на него влияние, просто так или через его супругу. Видите ли, Чиркову действительно стоит обратиться к настоящему лекарю, а мою рекомендацию он, боюсь, уже выбросил из головы. Он ещё весьма крепок, а вот сердце исключительно изношено. Малейшее потрясение для него сейчас крайне опасно и в любой момент может свести в могилу.

– Но вы же его вылечили! – Рыжие брови вѣщевички удивлённо приподнялись.

– Я не вылечил, я снял острый приступ, – возразил Натан. – Я вполне владею собственным даром и способен оказать помощь, хотя учили меня совсем другому, но господину полковнику требуется обстоятельное, продолжительное лечение и наблюдение у настоящего доктора, а не случайная помощь оказавшегося поблизости живника.

– А какое вам до него дело? – подозрительно осведомилась Аэлита и бросила на мужчину столь недобрый, жгучий взгляд, что обескураженный Титов и не сразу нашёл с ответом.

И верно, какое ему дело до чужого человека?

– С одной стороны, Пётр Антонович произвёл на меня благоприятное впечатление, и будет попросту обидно, если он по глупой браваде и неосторожности себя загубит. А с другой, можете считать это нравственным долгом живника: оказав помощь, я как бы взял на себя некоторую долю ответственности за его здоровье. Я не лекарь, а он не мой пациент, и указывать ему я не могу, но глупо даже не попытаться. Так вы поговорите с его супругой?

– О чём? – кажется, с искренним удивлением уточнила Брамс.

– Попросите её, чтобы уговорила Петра Антоновича обратиться к лекарю, – проявил терпение поручик. – Или хотя бы объясните, что ему стало плохо из-за ерунды и это в любой момент может повториться.

– Хорошо, я поговорю с тётей Татой, – задумчиво кивнула Аэлита и бросила на мужчину новый непонятный взгляд. Натану почудилась в нём досада, но поручиться за верность впечатления он был не готов.

– А куда мы идём? – уточнил мужчина, только теперь заметив, что направление уверенно задавала Брамс. – Кажется, служебный гараж в другой стороне. Или вы желаете добираться на трамвае?

– Через весь город, от нашей Полевой до мыса? – с изумлением глянула на него вѣщевичка. – Ещё чего!

Направление она не сменила, а выяснять подробности Титов не стал: зачем, если всё одно сейчас узнает?

Путь и в самом деле вскоре закончился спуском по тесной чёрной лестнице. Через тяжёлую узкую жестяную дверь с тугой пружиной, с которой и Натан справился не без усилий, а миниатюрная, изящная Брамс – и вовсе неизвестно, как боролась бы, следователи попали в

удивительно уютный крошечный дворик. Пара клёнов, три скамейки, а неподалёку от входа на брусчатке...

– Вы предлагаете ехать на этом? – опешил Титов.

– Бойтесь? – даже не пытаясь скрыть непонятное поручику злорадство, оживлённо предположила Аэлита.

– Скорее, ошеломлён, – честно признался мужчина, с трудом преодолевая желание протереть глаза и ущипнуть себя за руку в попытке разбудить – столь странным, даже безумным было происходящее сейчас. – Это ваш?

– Новенький, в этом году с завода, месяц назад только из Екатеринбурга приехал, – с явной гордостью проговорила девушка, укладывая в багажную сетку свою сумку. Та вошла в аккурат, словно родная. – Называется «Буцефал». Может, слышали? Много шуму наделал в печати, особенно заграничной.

– Признаться, не довелось. Я больше привык к живым лошадям, – сообщил поручик, разглядывая двухколёсного металлического монстра на бензиновом ходу и без всяких доказательств охотно веря, что шуму от этого аппарата немало. В Петрограде Титов, конечно, и не такое видывал, но...

Впрочем, нет, *такое* ему видеть вблизи прежде не доводилось.

Насмешливо поглядывая на мужчину, Брамс сначала перехватила штанины юбки-брюк под коленями парой ремней, потом натянула широкий зеленоватый брезентовый анорак, потом – кожаный шлем, по виду лётный, и похожие на лётные очки. Последней деталью стали грубые кожаные перчатки с длинными крагами, в которых маленькие девичьи руки буквально утонули. Лихо закинув ногу, вщёвичка оседлала мотоциклет, уверенно ухватила за рога и с треском и лязгом, выпрямляясь и резко приседая, пробудила «Буцефала» к жизни с помощью подпружиненной педали стартера. Мотоциклет громко, с подвываниями, затарахтел, в пыль разбивая уютную тишину дворика.

– Ну садитесь же, что вы? – насмешливо крикнула Брамс, через плечо оглядываясь на поручика.

Она уже и забыла, что несколько минут назад была на того сердита и даже обижена за его возмутительную идеальность и правильность. Выражение глубокого потрясения и ошеломлённости на породистом лице петроградца стало лучшим лекарством от хандры, а при виде его неуверенности и опаски Аэлита почувствовала себя отмщённой. Всё же не так он невозмутим и идеален и не так похож на книжного героя, как казалось поначалу!

«Ай, да чёрт с ним! Двум смертям не бывать!» – буркнул себе под нос Титов, преодолев желание в раздражении сплюнуть в землю, и взгромоздился на жёсткое сидение мотоциклета позади Брамс, неловко согнув длинные ноги и утвердив их на жёрдочках подножек.

В этот момент Натан точно знал, как выглядит, а главное, что чувствует пресловутая, часто поминаемая кавалеристами, «собака на заборе».

– Держитесь за фуражку, поручик! – прокричала девушка, и «Буцефал» прыгнул с места в карьер, словно под хвост ему плеснули скипидара.

Титов грязно выругался (к счастью, хватило выдержки сделать это молча), одной рукой и впрямь ухватился за козырёк фуражки, чтобы не потерять, а второй, наплевав на приличия, – за талию вщёвички, поскольку иных способов удержать себя на дрожащем, подпрыгивающем и норовящем скинуть седока мотоциклете не нашёл.

Мелькнула мысль, что новая жизнь поручика Титова в сонном провинциальном городе С*** начинается совсем не так тихо и размеренно, как он того ожидал.

Однако через полминуты тряски Натан пообвыкся, сумел поймать равновесие и несколько расслабиться. Даже вскоре начал оглядываться по сторонам, знакомясь с городом, который до сих пор толком не рассмотрел, ограничившись картой.

А потом и вовсе пришёл к выводу, что мотоциклет можно считать пригодным к использованию транспортным средством, хотя с лошадьёю и не сравнится.

Ни фуражку, ни женскую талию он, впрочем, не выпустил до конца поездки.

Глава 3. Русалка

Аэлита же, пока «Буцефал» с рёвом нёсся по улицам города, пугая лошадей и перепрыгивая через трамвайные рельсы, думала о том, что Бог в самом деле всё видит и порой не откладывает воздаяние на загробную жизнь.

Её радость от растерянности поручика и желание ещё подразнить его быстро сменились раскаянием, потому что Титов на поверку оказался сильным мужчиной и стиснул девушку так, что ей в первое время почудилось – придавило всё тем же мотоциклетом. Да ещё оказалось, что везти пассажира на двухколёсном коне совсем не так просто, как ей прежде думалось. В результате то, что в этот момент Брамс не потеряла управление, можно было считать чудом.

Потом, конечно, поручик ослабил хватку, к поведению «Буцефала» под двумя седоками девушка приновилась, и ехать стало легче.

Но тут во всей красе дала о себе знать ещё одна мелочь, о которой Аэлите стоило бы подумать заранее: всю дорогу Титов продолжал крепко обнимать её талию, что ужасно беспокоило и отвлекало. И отчего-то именно сейчас Брамс явственно вспоминались все те нормы поведения, которые ей безуспешно пытались привить с самого детства и которые обычно отбрасывались вѣщевичкой за ненадобностью. Сейчас она отчётливо понимала: всё это жутко неприлично. Что именно «всё», правда, понимала уже заметно хуже, но чувство неловкости от этого никуда не девалось и нимало не ослабевало.

Хорошо ещё, с «Буцефалом» Аэлита управлялась вполне уверенно даже тогда, когда думала о чём угодно, кроме дороги, иначе служащие уголовного сыска могли попросту не добраться до места.

Самый удобный путь к мысу – длинному, поросшему ивняком песчаному выступу, образованному слиянием двух рек, – пролегал по набережной большой реки. Мимо шумного порта, над которым водили носами железные журавли портовых кранов, мимо по-праздничному нарядного бело-красного женского Спасо-Преображенского монастыря и в тех же цветах высокого здания пивного завода, мимо гуляющих в старом саду горожан, ряда рыбацких пристаней и железнодорожного тупика, и наконец по грохочущим под колёсами доскам, устилающим переезд.

Основная дорога за переездом убегала влево, к мосту через приток, а они свернули направо, между непонятными дощатыми сараями, по щебёнке, оставшейся, вероятно, от постройки железнодорожной насыпи. Здесь «Буцефал» загарцевал так, что Титов едва не прикусил себе язык, но далеко Аэлита, к счастью, не поехала: с десятков саженей, пока всё это ещё напоминало дорогу, а потом остановилась подле транспорта судебных медиков на большом пустыре, покрытом всё той же щебёнкой пополам с песком, да и заглушила мотор.

Новенький чёрный фургон с нарисованным на борту угрожающе-багровым, не выцветшим ещё щитом, на котором серая змея обвивала геральдический меч, уже стоял здесь. В распахнутой настежь кабине дремал, сдвинув на глаза кепку, шофёр.

После набившегося в уши треска мотора прибрежная тишина оглушала. Мягко шелестел ивняк молодыми, сочно-зелёными листьями, отблескивала на солнце живая гладь тёмной, высокой ещё после недавнего половодья реки. Позади роем гудел город, но тихо, отсюда даже приятно.

Одуряюще пахло нагретой болотистой сыростью – мыс ещё не успел до конца просохнуть. Натан, полуприкрыв глаза, вдохнул шумно, полной грудью, украдкой разминая онемевшую за время дороги поясницу.

Всё же хороший он, город С***. В Петрограде сейчас, надо думать, промозглый холод и ветер, и без плаща в удовольствие не походишь, а здесь – весна во всю ширь и солнце шпарит так, что даже в белом летнем кителе жарко.

Впрочем, уже не белом, а местами желтовато-сером – за время пути на него густо осела пыль. К которой поручик, однако, отнёсся снисходительно: он был слишком рад окончанию муторной, тряской езды и не обращал внимания на пустяки.

Пока Титов с написанным на лице аршинными буквами блаженством оглядывался и жадно пил свежий, душистый воздух, Брамс торопливо разоблачалась. Побросала амуницию на сиденье, кое-как, на ощупь, поправила причёску, благодаря шлему почти никогда не выглядывшую аккуратно, и вынула из багажной сетки саквояж.

– Ну что, пойдёмте? – предложила Аэлита нерешительно, хотя она очень старалась, чтобы голос прозвучал твёрдо.

Недовольство и смущение отступили, но теперь в груди у девушки ворочался неприятный холодок тревожного предвкушения. Ей и хотелось наконец почувствовать себя настоящим следователем, и боязно было, а больше прочего волновала возможность попасть впросак и как-нибудь ужасно нелепо оплошать именно рядом с почти безупречным Титовым.

– Да, поспешим, – согласился поручик и махнул рукой куда-то вперёд и влево, где сквозь зелень угадывались фигуры. – Вон, кажется, они.

Натан неуверенно поглядел на сумку в руке девушки, но настаивать на своём и отнимать ношу у хозяйки всё же не стал, а молча двинулся через пустырь.

Пока под ногами осыпалась щебёнка, всё было хорошо. Потом та сменилась влажным песком утоптанной тропы и идти стало даже легче, но в десятке саженей от нужного места песок под ногами начал хлюпать, потом вовсе раздаваться в стороны. Титов в нерешительности замер и оглянулся на вёщевичку. Вид у той был грустный, обиженный, но девушка продолжала упрямо следовать за поручиком, хотя её тонкие ботиночки явно уступали в надёжности и прочности форменным сапогам, побывавшим к тому же в руках у вёщевика и потому непромокаемым.

– Что случилось? – спросила, наконец, Аэлита угрюмо. – Мы идём?

– Ничего не случилось, – вздохнул Натан.

Дальше между купами жёлтой прошлогодней травы, под горстями буро-серых перепрелых листьев явственно блестела вода, и было очевидно, что к концу пути девица Брамс вымокнет в лучшем случае по колено. Даже если обувь её не промокнет насквозь, всё равно она слишком коротка для подобных прогулок и непременно начерпает. На улице хоть и тепло, но всё же не июль, вода явно холодная; а если эта упрямая особа сейчас по его, поручика, вине и недосмотру заболит – он себе вовек не простит.

О том, чтобы вернуть девушку назад, не могло быть и речи: подобным предложением Титов рисковал нажить себе смертельного врага.

Мужчина ещё раз огляделся, не нашёл ни единого сухого пути и с решительным видом обернулся к спутнице.

Кажется, Брамс прочтала по его лицу нечто нехорошее, потому что обеими руками судорожно сжала ручку саквояжа, а большие зелёные глаза глядели с испугом и неуверенностью.

– Я сама его понесу, – упрямо выдохнула Аэлита севшим от волнения голосом.

– Не возражаю, несите, – кивнул Титов и решительно шагнул к ней. – А я понесу вас.

Брамс рефлекторно отпрянула и, запнувшись, едва не оступилась, но мужчина успел поддержать её под локоть, после и вовсе легко, без видимого усилия, подхватил на руки.

В первое мгновение вёщевичка лишь испуганно охнула и замерла, словно мышь под веником, а потом вдруг энергично завозилась, пытаясь вывернуться из мужских рук, но не заверещала, а прошипела сердитой кошкой:

– Поставьте меня сей же час! Вы... Вы! Что вы себе...

– Не дёргайтесь, Аэлита Львовна, – ровно попросил поручик. – Не удержу – рухнете, а вода холодная. Опять же, грязь.

Сердито сопеть вѣщевичка не перестала, но возню всё же оставила – кажется, купание её сейчас совершенно не прельщало. Да и прогулка по колону в холодной воде, видимо, тоже, потому что девушка замерла, обеими руками обхватив саквояж и прижав к себе, словно родное дитя. Лицо её в первое мгновение сделалось бледным от негодования, а потом его явственно, на глазах начала заливать краска смущения – от двух ярких пятен на щеках в стороны, на лоб, нос и подбородок и, кажется, дальше вниз, на шею.

Натан бросил на неё единственный взгляд, но поспешил отвести глаза. Встрѣпанная, пунцовая от смущения и совсем не боевитая сейчас, Брамс выглядела исключительно забавно, чем вызывала невольную улыбку, и мужчина разумно опасался, что его веселье совсем не порадует и без того сконфуженную вѣщевичку. Поэтому он предпочёл сделать вид, что происходящее для него в порядке вещей, и внимательней глядеть под ноги: не хватало ещё оступиться!

Невысокая изящная Аэлита вместе со своим рабочим инвентарём весила совсем немного, ноша оказалась необременительной, а путь – коротким, так что Титов не успел даже запыхаться.

Ивняк здесь был реже, перемежался обширными проплешинами голой травы и камыша, и за ними открывался захватывающий дух вид на устье – широкую гладь, по которой медленно скользила одинокая баржа. Дальний берег большой реки и сейчас скорее угадывался в лёгкой дымке, чем виднелся, а по высокой воде здесь, наверное, было настоящее море.

Группа, к которой служащие сыска направлялись, состояла из четверых. Городового, грузного широкого мужчины в годах; двух медиков – молодого рослого парня с широченными плечами, настоящего богатыря, и сухощавого невыразительного типа средних лет; крепкого мужика неопределённого возраста, заросшего густой русой бородой до самых бровей, одетого в холщовые штаны и рубаху, подпоясанную широким ремнём. Последний, очевидно, был тем самым рыбаком, обнаружившим тело: на ногах его имелись высокие, до бедра, болотные сапоги, верёвками притянутые к ремню, в одной руке он держал пару смотанных удочек, а в другой на проволочной низке висели, продетые через глаза, четыре крупных рыбины.

Увлечённые своими делами, их заметили только тогда, когда до места оставалась пара сажень.

– Ох, батюшки-светы! – высказался за всех городовой. – Ты что, нехристь, делаешь? Девку-то зачем притащил?!

– Во-первых, извольте по форме обращаться к старшему по званию, – холодно осадил его Натан. Как это получалось, неясно, но даже с Брамс на руках он умудрялся выглядеть внушительно. Одно слово – офицер. – А во-вторых, немедленно извинитесь: это не девка, как вы позволили себе высказаться, а полицейский эксперт-вѣщевик.

Говоря это, Титов высмотрел какой-то валун и аккуратно установил на него Аэлилу. Очувтившись на свободе, та оправила одежду, переложила саквояж из руки в руку и ощутила себя гораздо увереннее. И даже не забыла благодарно кивнуть мужчине.

Все те сажени, что Натан нёс её на руках, Аэлита мысленно продумывала решительную отповедь, в которой бы холодно поблагодарила поручика за попытку помочь, но вежливо попросила впредь никогда так не делать. Что, мол, она не сахарная, не растает. И сердилась на себя за то, что эта его естественная, без франтовства и снисходительности, забота не оставила её равнодушной, вызвала не только смущение, но и удовольствие. Но от высказывания городового она настолько обомлела, что не нашлась с ответом, а после замечания поручика заготовленная речь вылетела из головы.

Конечно, Брамс продолжала завидовать выдержке Титова и его похожести на героя приключенческой истории, и, разумеется, она бы предпочла самостоятельно поставить наглеца на место, но...

Заступничество поручика именно сейчас оказалось чертовски приятным и уместным. Почти настолько же приятным, словно если бы она сама остроумно отбрила нахала.

– Кхм. Простите великодушно, – смешался городской, стаскивая фуражку и неловко кланяясь вѣщевичке. – Не со зла, токмо по горячности. Не хотел обидеть, барышня эксперт-вѣщевик.

– Прощаю, – великодушно кивнула девушка.

– Аэлита Львовна Брамс, Натан Ильич Титов, уголовный сыск, – миролюбиво и спокойно представил их поручик, очевидно посчитав инцидент исчерпанным. – Докладывайте, что тут?

Медики, с интересом наблюдавшие за сценой, совершенно одинаково усмехнулись, но посторонние мысли оставили при себе и вернулись к телу, поначалу незамеченному Аэлитой. Брамс бросила взгляд на нечто, белеющее сквозь траву у края камышей со стороны притока, и поспешила перевести взгляд на городского, который, назвавшись ефрейтором Храбровым, принялся за доклад.

Рыбак, этот вот самый любопытствующий бородатый горожанин, возвращался с плёса, где имел обыкновение удить. Туда он шёл напрямки, а обратно решил прогуляться кругом вдоль берега, поглядеть, что изменило сходящее половодье, и заметил в камышах тело. Не растерялся, подтянул ближе, а приятелю крикнул звать городского.

– Я, вашбродь, поначалу подумал, что девица эта сама, – пожал плечами Храбров. – Ну, того, в воду сиганула. Они тут частенько выплывают, в сети путаются, так что мужики не сказать чтобы привычные, но русалок этих не пугаются.

– То есть как – частенько? – растерянно переспросил Титов, бросив вопросительный взгляд на Брамс. Та, хоть и являлась местной жительницей, тоже казалась ошеломлённой такими откровениями.

– Грех на душу берут, – пояснил городской. – Прежде с железнодорожного моста от безответной любви сигали головой вниз и всплывали вон там, у плашкоутов, – он махнул рукой вверх по течению притока. – А как понтон постоянным мостом заменили, так оттуда начали. Мост красивущий, с котами по краям, с фонариками, вот их туда и тянет, как мёдом намазано. Да и то верно, железнодорожный – что, одни балки, да ещё высоко, страшно. А девкам, им романтизму, значит, подавай. Без романтизму и убиваться, видать, неинтересно. – Он задумчиво поглядел на насупившуюся после таких рассуждений Брамс, крякнул, буркнул что-то себе под нос и продолжил. – Н-да. Так вот, прежде по одной-две за год вылавливали, а тут как лёд сходит – так и начинается. По пять, по шесть за навигацию. Неспроста в народе Коровий остров ещё Русалочьим называют и стороной обходят. Кого, значит, из самоубийц этих не вылавливают и земле не предают, те, значит, там всплывают. – Храбров перекрестился. – По ночам, говорят...

– Местные мифы как-нибудь в другой раз расскажете, – со смешком оборвал его Натан. – По именно этой русалке – что?

– А. Ну да. Так вот я, честно признаюсь, не особенно торопился. А вот как пришёл, как глянул, ну думаю – э нет, нечисто дело. Девка-то в одном исподнем, в венке, со свечкой, словно по обряду какому. До Купалы-то ещё вон сколько времени, да на него и не бывает такого: кому охота в праздник-то топиться?

– Действительно. – Титов тихо хмыкнул себе под нос и обратился к судебным медикам. – Есть что-нибудь?

– Не люблю спешить с выводами, – проговорил старший, назвавшийся Филипповым Филиппом Андреевичем, – но кое-что могу сказать до обстоятельного осмотра. В воду она попала недавно, вероятно прошедшей ночью, и умерла примерно в то же время. А вот отчего умерла – смогу сказать позднее.

– Не утонула? – удивился Натан.

– Может быть, и утонула, да только вряд ли сама с моста сиганула, как тонко подметил господин Храбров. – Эксперт пожал плечами. – Внешние признаки утопления, но она явно совсем не боролась. Может быть, была без сознания, когда тонула. Вот, обратите внимание

сюда. Венок аккуратно привязан, даже незаметно так сразу, и руки тоже связаны, а под путами – никаких повреждений. Значит, в воде бедняжка не билась и освободиться не пыталась, а оставайся она в сознании, всё это случилось бы произвольно. Да и узлы эти – видите? – по моему мнению, связать себя так самостоятельно невозможно, значит, сделал это кто-то другой. Или связали её уже мёртвую. В общем, это совершенно точно не самоубийство, а что именно – смогу сказать позже.

Натан кивнул, не сводя пристального взгляда с тела, которое медики аккуратно грузили на складные носилки.

Девушка при жизни была молода и очень хороша собой, а теперь впрямь походила на русалку. Восковой бледности кожа; потемневшие от воды пшенично-золотистые волосы, распущенные, овивающие тело длинными щупальцами, путающиеся в жухлой старой траве; тёмный колючий венок из еловых веточек – словно библейский тёрн. В покойницы сложенных на груди и аккуратно связанных бечёвкой руках – оплывшая толстая церковная свеча, и капли воска на пальцах говорили о том, что какое-то время свеча горела на этом самом месте.

– Она так и плыла на спине? – спросил, хмурясь, Титов.

– Похоже, поручик, – кивнул эксперт. – Смотрите, как хитро устроено...

Под спиной русалки обнаружился плотик из нескольких кусков горбыля, накрепко стянутых всё той же бечёвкой, а к рубашке по бокам была пришита пара холщовых мешочков, кажется, с песком.

– Батюшки-светы! – опять охнул городской, перекрестился одновременно с рыбаком, продолжавшим стоять тут же – из любопытства, надо думать. – Это кто же её так? И на кой?!

– Мне это тоже интересно, – качнул головой Натан.

Титов не боялся покойников. За свою жизнь он насмотрелся на них вдосталь, на самых разных, и эта русалка ни в какое сравнение не шла со в куски изрубленными, иссечёнными картечью трупами военных полей или иными изувеченными гибелью телами, виденными уже на службе в сыске. Но именно сейчас, глядя на девушку, даже в смерти остававшуюся красивой, поручик ощутил, как повеяло холодком по спине, словно там, позади, кто-то на мгновение распахнул глубокий погреб и оттуда дохнуло стылостью. Что-то очень противоестественное, мерзкое было во всём образе этой спущенной по реке девушки.

Захотелось закурить, чтобы занять чем-то руки, но своих папирос у Титова не было – от этой дурной привычки он отучился, оставив армию, – а спрашивать у окружающих посчитал глупым, поэтому просто заложил большие пальцы за пряжку ремня. Потом опомнился.

– Аэлита Львовна, вам что-нибудь нужно для проведения осмотра?

Поручик не считал покойницу подходящим зрелищем для молодой девушки, но в это мгновение мужчине было не до сантиментов. Он был насторожён, взволнован и, вздумай Брамс артачиться или, хуже того, падать в обморок, ей непременно досталось бы на орехи ещё и от офицера. Назвался груздем – полезай в кузов, и сейчас Натан воспринимал Аэлилу именно так, как она и просила: полицейским специалистом-вѣщевиком.

Но девушка была не испуганна, а собранна и сосредоточенна, словно ей предстояло не проделывать рутинные и довольно несложные действия, а прямо сейчас защищать докторскую работу под скептическими взглядами солидных профессоров. Брамс была полна решимости доказать, что она не «девка», которую напрасно притащил сюда Титов, – доказать себе, с затаённой насмешкой глядящим на вѣщевичку незнакомым мужчинам и, конечно, поручику.

Перед последним она ещё чувствовала большую ответственность. Не потому, что он значился теперь начальником уголовного сыска и, получается, самой Брамс, а внутреннюю, настоятельную потребность увидеть его одобрение. Заступившись за неё перед городским и решительно назвав специалистом-вѣщевиком, он проявил к ней такое доверие, какое обыкновенно приходилось заслуживать долго и кропотливо, и Аэлита намеревалась оправдать его любой

ценой. Может, она и не годится прямо сейчас в книжные героини, но дело-то своё знает по-настоящему, лучше многих!

– Нет, не нужно, – решительно тряхнула головой девушка. – Вот только...

Аэлита снова глянула на сумку в своих руках, растерянным взором обвела стоящую вокруг воду, тяжело вздохнула и неуверенно протянула мужчине свою ношу.

– Натан Львович, простите, но не могли бы вы поддержать? Не в воду же его класть, в самом деле, – смущённо проговорила она.

– Разумеется, – кивнул тот, принял саквояж и с интересом наблюдал, как Брамс извлекает из кожаного нутра малопонятные случайному зрителю предметы. – Может быть, перенести тело ближе?

– Расстояние здесь роли не играет, – отмахнулась Аэлита.

Понимающих, сочувственных взглядов, которыми обменялись судебные эксперты с городским, решившие, что девица просто испугалась покойницы, она не заметила. Да и несправедливости к ней были мужчины: это четверть часа назад, когда Титов нёс её на руках, Аэлита была смущённой и растерянной барышней, а теперь, сосредоточившись на деле, стала магистром Брамс – талантливым учёным и строгим, взыскательным преподавателем, которого на полном серьёзе опасались и очень уважали студенты Федорки.

– Положите вот эту вѣщь ей на живот, вдоль тела, чтобы средний оказался ровно над пупком, – твёрдым голосом велела Аэлита, протягивая ближайшему эксперту ленту из семи плоских жетонов белого металла. Небольшие, с червонец, тяжёлые, наверное свинцовые, они были покрыты сложным узором мелких насечек и соединены рѣбрами в полосу. Как крепились друг к другу, было неясно, но каждый свободно поворачивался вокруг общей оси. – Ну! – окликнула она раздражённо, потому что младший медик замялся и замешкался, поглядывая на старшего.

Здоровяк осторожно, двумя пальцами ухватил жетоны и выложил на труп как было велено, следом прицепил и несколько небольших, вычурных, диковинного вида прищепок, выполненных из проволоки того же металла – на плотик, на венюк, на платье, на держащую запястья бечёвку, даже на свечу.

Когда закончил, Аэлита смерила подозрительным взглядом почему-то именно его, а не результат его трудов, и отрывисто кивнула. Дальше бережно извлекла небольшой прибор, похожий на плод любви арифмометра и ежа.

– Подержите сумку, – велела Брамс всё тому же эксперту, а Титову в освободившиеся ладони осторожно вложила устройство. Задумчиво пожевала губами, переключая какие-то тонкие рычажки, кивнула своим мыслям и потянулась за флейтой. – Вот так и держите, – командовала она поручику.

Появление музыкального инструмента встретил с интересом только рыбак, которого до сих пор не подумали прогнать. Остальные заранее кривились, зная, что будет дальше.

Вѣщи, которые изредка на заграничный манер именовались артефактами, были знакомы людям издревле. Обережные вышитые узоры, резьба на предметах обихода, затейливая руническая вязь – всё это были первые, интуитивные попытки придания необыкновенной силы обыденным вещам, и порой результат выходил на удивление удачным. Со временем выделились закономерности, потом на их основе выросли теории, и к настоящему моменту всё это сложилось в отдельную область знаний – науку о вѣщах.

Вѣщью мог быть любой предмет – сапоги, зеркало, да хоть целое здание, – но полностью её возможности определял тот, чьи руки придавали ей особые свойства старинными, дедовскими способами: резьба, шитьё, узоры.

До сих пор в научном сообществе велись диспуты о том, как именно всё это происходит. Старая теория утверждала, что вѣщевик вкладывает в творения собственную жизненную силу – ту же, какую живники используют для влияния на человеческую плоть. Другие, новые учёные,

уверяли, что сила спит внутри материи и вѣщевик только освобождает её своими действиями; та самая сила, которую открыли лишь четверть века назад и которая сейчас сводила с ума физиков всего мира – сила взаимодействия атомов.

Пока теоретики ломали копыя, вѣщевики, будучи практиками, более близкими к изобретателям и инженерам, не особенно углублялись в вопросы происхождения собственных талантов, больше занятые их развитием и применением.

Тщательно выверенные узоры определяли пути, по которым двигалась сила, являлись своего рода проводниками для тока или подобием ирригационных каналов. На заре научной мысли все вѣщи строились по единому принципу: создатель напитывал силой узор, и вѣщи для исполнения её предназначения этого вполне хватало.

Но больше двух веков назад случился грандиозный прорыв, когда установили, что серьёзное влияние на вѣщи оказывают звуки. Они как бы пробуждают скрытые резервы, а ещё позволяют тонко управлять действием вѣщей, добываясь от них ювелирной точности. И теперь любой вѣщевик объединял в себе не только собственно умение влиять на неживые предметы, но ещё математика, инженера и музыканта, и именно успешность этого сплава определяла силу и возможности вѣщевика. Единственный недостаток подобного воздействия состоял в редком неблагозвучии управляющих трелей...

Аэлита, прихватив мундштук губами, сомкнула веки.

Голос флейты вспорол живую речную тишину. Долгие, протяжные стоны перемежались пронзительными вскриками, и оттого, насколько всё это походило на плач – судорожные, отчаянные, безнадежные рыдания, – не по себе сделалось даже зачерстевшим от службы судебным медиком. Флейта, словно по родной, выла по незнакомой мёртвой девушке, и мокрый холод оглаживал спины живых. Было во всём этом нечто потустороннее, необъяснимо-жуткое, и нарядная майская зелень вокруг не только не сглаживала, но даже усиливала впечатление.

Бледный от страха рыбак бормотал «Отче наш», стянув шапку и истово крестясь на блесящие над ивняком, на краю города, купола Казанского собора – двинуться с места и уйти, он, кажется, боялся ещё больше, чем оставаться здесь. Городовой выглядел не лучше; он затравленно поглядывал на «девку», словно та на его глазах превращалась в упыря, и тоже, кажется, молился себе под нос.

Вскоре плач этот оживил вѣщью, которую держал в руках Натан, заставив того вздрогнуть. А следом дёрнулись и остальные, когда рыдания флейты дополнились пронзительным стрекотом прибора, из чьего нутра, завиваясь локонами, поползла перфолента.

Инструмент умолк на высокой и особенно резкой ноте, а вѣщью ещё какое-то время монотонно трещала. Аэлита спокойно, буднично убрала флейту обратно в чехол и подхватила ленту, с удивлением поглядывая на пришибленных, притихших мужчин.

Пока Брамс вслепую – ей, как и многим опытным вѣщевикам, так было проще – читала перфоленту сообщения, остальные потихоньку сбросили наваждение. Рыбак под шумок удрал, решив, что посмотрелся достаточно; городской Храбров и хотел бы последовать его примеру, но долг не позволял; судебные, опасаясь трогать вѣщи на трупе, переминались с ноги на ногу.

К концу ленты безмятежное выражение лица Аэлиты сменилось хмурой недовольной гримасой. Девушка собрала бумагу в тугое колечко, проворно намотав на два пальца, жестом поманила младшего из медиков, который понятливо протянул её саквояж. Брамс сначала аккуратно сцепила ленту скрепкой, потом надписала карандашом, убрала в один из внутренних кармашков сумки. Уложила прибор, забрав его у Натана, ссыпала прищепки, снятые судебными, пристроила в кармашек жетоны. Это происходило в тишине: мужчины не решались заговаривать и тем более приставать с вопросами, а Аэлита была слишком погружена в собственные мысли, чтобы замечать новые странности поведения окружающих и, главное, придавать им значение.

В молчании происходило и остальное. Медики взяли носилки и поплелись через залитое водой пространство к фургону, рядом с ними пошлёпал городской. Титов снова подхватил спутницу на руки, и в этот раз она не только не стала вырываться, но, сосредоточенная, не смутилась, и даже обхватила мужчину за шею для надёжности.

Когда сыскари ступили на твёрдую землю, Аэлита всё с той же задумчивостью уложила сумку в багажную сетку, сама боком уселась на мотоциклет и, сцепив пальцы на коленях, замерла. Распахнутые зелёные глаза с лихорадочно расширенными зрачками глядели пусто, слепо, не замечая мира вокруг, но словно видя нечто иное, недоступное простым смертным.

Натан хотел встряхнуть её и заставить очнуться – поведение Брамс было непонятно, ново, и состояние её вызывало беспокойство, – но решил повременить. Записал на случай какой-нибудь надобности номер городского и, с его слов, имена рыбаков, и распрощался с Храбровым. Простился и с экспертами, получив от них обещание закончить осмотр сегодня к вечеру, преодолел соблазн добраться до Департамента в их компании, избегнув тем самым новой поездки на спине «Буцефала», и проводил грустным взглядом фургон. Чёрный блестящий квадрат с красным щитом на боку уносил людей и начало нового и, как Титов уже точно знал, сложного дела.

Поручик немного постоял в тишине, повисшей после отъезда судебных: мотор их фургона рычал слабее, чем у мотоциклета, но всё равно было приятно его не слышать.

За всё это время вѣщевичка не только не очнулась, она и пальцем не шевельнула. Натан приблизился и решительно позвал:

– Аэлита Львовна, что показала проверка?

Та вздрогнула, с трудом скидывая оцепенение, несколько раз торопливо моргнула, непонимающе глядя на поручика – казалось, силилась вспомнить, кто он такой. Наконец Брамс совершенно вернулась мыслями из эмпиреев на усыпанный щебёнкой пустырь, чем очень ободрила следователя, и равнодушно пожала плечами:

– Ничего.

– Как это – «ничего»? – не понял Титов. – То есть ничего примечательного? Никаких зацепок?

– Нет. – Усыпанный веснушками нос Аэлиты недовольно наморщился. – Проверка показала, что на ней ничего нет. Понимаете? Совсем! Совершенно!

– Признаться, не понимаю, – растерянно проговорил мужчина. – Расскажите, пожалуйста, немного подробнее.

– Ох, ну это же азы! – сокрушённо вздохнула Брамс, но всё же принялась за разъяснения. – Вѣщи оставляют в мире следы так же, как любой человек: мы пахнем, источаем тепло, оставляем на одежде и предметах пот, волосы, частички кожи. Обыкновенно их следы называют тенью, или умброй на латыни. Вѣщей много, с каждым годом всё больше, и даже не по науке выполненные, они всё равно извещают окружающий мир о своём присутствии. Порой примитивные штучки вроде, скажем, с любовью вышитого исподнего для ребёнка дают тень более густую, нежели иные сложные приборы. Это очень трудная задача – защитить некий прибор или вѣщь от действия окружения. Так вот тут умброграф совсем ничего не написал. Показания его в пределах измерительной погрешности, да ещё те тени, которые легли уже от самого прибора.

– И как это возможно? – нахмурился Титов. Всё сказанное девушкой он и прежде знал, не первый год в сыске, но перебивать не стал: проще было выслушать короткую лекцию, чем долго объяснять, что именно ему непонятно.

– Наверное, злоумышленник стёр все следы, – неопределённо повела плечами Брамс.

– Это сложно? Кто мог подобное проделать? – ухватился поручик. Вот и добрались до нужного вопроса: с подобным Титов прежде не сталкивался, поскольку преступления, связан-

ные с деятельностью вщевиков, в Петрограде лежали в компетенции специального отдела Охранки.

– Трудно, – медленно кивнула Аэлита. – Но возможно. Право, было бы очень любопытно взглянуть на его методику, – оживилась она. – И узнать, как именно удалось так аккуратно занизить показатель...

– Аэлита Львовна, кто мог подобное осуществить? – перебил её мужчина. Поймав недовольный, обиженный взгляд, чуть смягчил свою резкость: – Вы же понимаете, что не сможете узнать ответ на этот вопрос, пока мы не найдём злоумышленника.

– Да, пожалуй, проще спросить у него самого, – кивнула Брамс с заметным расстройством во взгляде – понимала, что случится это не прямо сейчас. – Собственно, я знаю всего с десяток человек, – задумалась она. – Хотя, наверное, ещё Антон Петрович мог бы, он порой так нестандартно мыслит! Этой проблемой он...

– Аэлита, постойте, – вновь перебил Титов, даже потрянул головой, будто пытался привести таким нехитрым образом мысли в порядок. Стащил фуражку, встопорщил пятернёй короткие тёмные волосы, на ярком солнечном свете оказавшиеся не чёрными, а скорее тёмно-каштановыми. Вид его сразу перестал быть франтоватым, больше того, поручик в мгновение уподобился мальчишке-сорванцу. – Я уже ни черта не понимаю. Кого из своих знакомых вы имеете основание подозревать в убийстве? И почему?

– В каком убийстве? – изумлённо уставилась на него Брамс. И тут же возмутилась: – Как вы могли подумать?! Это всё достойные, прекрасные...

– Я верю! – оборвал её Натан, потерянно огляделся, чувствуя настоятельную потребность присесть. Но предсказуемо не обнаружив стула, заложил большие пальцы за ремень и заговорил твёрдо, тоже зайдя издалека: – Очевидно, что тень стёрли не просто так, а в намерении что-то скрыть. Если, конечно, подобное не могло быть результатом естественного природного процесса. Или могло? Тень может растаять самостоятельно?

– Может, но не за один день, – пожала плечами Брамс. – Если только следов этих изначально было совсем немного и жила утопленница до этого в несусветной глуши, в какой-нибудь пещере...

– Значит, эту версию мы пока оставим, – кивнул Титов. – И выходит, тень стёр именно тот, кто отправил бедняжку в плавание по реке, верно? И незадолго до собственно спуска, иначе она могла бы нацеплять на себя по дороге что-то ещё. Так?

– Да, это неизбежно, – кивнула Аэлита.

– Прекрасно. Вы сказали, что знаете около десяти человек, способных на подобное действие, значит, именно один из них и столкнул покойницу в воду? Ну как же нет, если мы вот только-только решили, что сделал это один и тот же человек, – хмыкнул он иронически, когда в ответ на вопрос девушка испуганно затрясла головой. – Или подобное мог совершить ещё кто-то, не только эти люди?

– А, вы в этом смысле! – облегчённо улыбнулась Брамс. – Конечно, да. Но в любом случае злоумышленник должен быть вооружён необходимыми приборами.

– Час от часу не легче, – вздохнул Натан. – Какими приборами?

– Понятия не имею, – вновь изумилась Аэлита. – Я же не знаю, каким методом он пользовался и как добился...

– Это я уже понял, – опять оборвал её мужчина.

Мгновение помолчал. Выражение его лица сделалось очень решительным, фуражка легла на сиденье мотоциклета, а пальцы ослабили воротничок мундира. Брамс наблюдала за преображением с искренним любопытством: странно было видеть, как безупречный петроградский офицер на глазах всё больше обретает человеческие черты. И пойми, то ли он от природы не прямой словно штык, как видится с первого взгляда, не то метаморфоза эта – следствие благотворного влияния чистого майского воздуха города С***.

– Значит, так. Давайте по порядку...

«По порядку» заняло более получаса. Натан за это время буквально взмок, но зато мог собой гордиться: из вѣщевички он вытряс, кажется, все полезные сведения. Которых по сути начатого дела, увы, оказалось прискорбно мало, и сузить круг подозреваемых без установления личности девушки не представлялось пока возможным. Со слов Аэлиты, операция, проделанная с покойницей, пусть и являлась довольно сложной, но была по плечу любому достаточно сильному и опытному вѣщевику или даже, при большом желании, обычному человеку, сведущему в тонкостях этого ремесла, вроде инженера или даже энергичного любителя. Таковых же в городе С***, промышленном и потому весьма передовом, было в достатке. Да и оснащение для такой операции было возможно добыть, не прилагая к тому титанических усилий, или вовсе изготовить самостоятельно.

Куда больше времени у Титова ушло на то, чтобы разобраться в самой вѣщевичке. Сейчас он очень явственно вспоминал слова Чиркова о том, что порой возникает впечатление, будто Брамс намеренно издевается. В голове с большим трудом укладывалось вот это противоречие: как настолько умная, талантливая девушка может быть в некоторых вроде бы близких ей вопросах такой... мягко говоря, несообразительной, а попросту – дурой. Поэтому чудилось, что она не искренне недоумевает, а дразнит собеседника.

Но Титова не из пустой лести называли одним из лучших следователей столицы и активно сватали в Охранку ещё там, в Петрограде. За эти полчаса он не только получил от Брамс нужные ответы, но даже сложил в голове примерное представление о том, как эта девушка думает. Безусловно гений во всём, что напрямую касалось вѣщей, она была до нелепости наивна в вопросах общения и до абсурда не разбиралась в людях, не понимала их и не чувствовала. Она держалась легко и уверенно, когда с ней говорили прямо и по существу, с точностью математических формул; иносказаний не принимала совершенно, даже на уровне эзоповых классических басен, а изъяснение самыми простыми и прозрачными для обыкновенного человека намёками быстро повергало её в уныние, обижало и даже злило.

Ещё, что было крайне неожиданно с подобным складом ума, Аэлита оказалась исключительно эмоциональной особой, настроение её прихотливо и почти мгновенно изменялось по мере разговора. Часть времени Титов потратил именно на то, чтобы узнать пределы этой переменчивости, и результат его обескуражил: в течение одной минуты Аэлита могла сначала кипеть гневом, а потом искренне улыбаться. Точно послушный воле ветра флюгер, легко поддавалась любым словам и показывала именно те эмоции, которых от неё добивались. Однако все эти проявления были поверхностными, словно рябь на воде над омутом, не трогали глубин разума и убеждений. То есть расстроить или развеселить её оказалось проще простого, а вот заставить под влиянием эмоций совершить что-то, не свойственное природе упрямой и характерной барышни – отнюдь.

Натану девушка представилась молодым крепким деревцем, ветви которого легко гнутся под ударами бури, но сдвинуть с места которое не способен никакой ветер. Опытный вѣщевик, настоящий профессионал, в чём-то – совсем наивная девчонка, опирающаяся только на малоразвитое чутьё, словно тычущийся носом слепой котёнок, а под всем этим – твёрдый и упрямый, взрослый характер. Удивительная, необычная, но – поразительно цельная натура.

Впрочем, после решения загадки интерес поручика к девушке ни в малейшей степени не угас. Слишком непохожа она была на всех, кого ему прежде доводилось знать, слишком хороша в этой своей невероятной полноте и неделимости. Натан не мог представить себе дружбу со столь своеобразным созданием, но был полон решимости сойтись с ней покороче, до доброго приятельства.

Глава 4. Имя розы

Аэлита после разговора с Титовым чувствовала себя подавленной, была тиха и рассеянна, так что «Буцефал» на обратном пути до Полевой улицы проявлял куда меньше резвости и даже рычал как будто тише. Причины такого своего настроения вѣщевичка не понимала и пеняла попеременно на продолжительное пребывание на солнце, испуг от вида покойницы и общий избыток впечатлений этого долгого, насыщенного дня. О том, что таковой причиной являлся выдержанный форменный допрос, который Титов провёл с большим умением и искусством, она даже не подумала. Вопросы поручика, даром что он порой говорил сущую ересь и никак не мог толком понять её объяснений, на взгляд Брамс мало отличались от глупостей иных нерадивых студентов, офицер ещё проявлял примерную сообразительность.

Расспросы не трогали её и не удивляли, а вот неожиданная помощь поручика по-настоящему вывела из равновесия, паче всего тем, что оказалась Аэлите по душе. И за эту сердечную слабость девушка очень на себя сердилась.

Романтические отношения в жизни девицы Брамс окончились в восемнадцать лет разорванной помолвкой с молодым офицером Ховриным. Тот был очарован юностью и энергией Аэлиты, сумел без особенного труда увлечь неискущённую девушку, и молодые люди уверенно готовились свить семейное гнездо. Но в один прекрасный момент, когда дело уже почти сладили и назначили день свадьбы, жених имел дурость высказаться при вѣщевичке, как раз готовящейся держать выпускные экзамены в Федорке (обучалась девушка, в виду особых склонностей к предмету, не по общей программе), что вся эта наука – блажь, не женское дело, и вообще какой в бабе может быть ум. Даже непреклонно заявил, что после свадьбы всех этих глупостей он не допустит.

Разумеется, стерпеть подобное Брамс, всегда видевшая от близких только одобрение и поддержку, не могла, нежное отношение и восторг сменились праведной, и оттого более злой, обидой.

Помолвка окончилась скандалом, офицер получил от ворот поворот. Он, конечно, пытался ещё всё наладить, клялся, что пошутил и ничего такого не хотел сказать, но Аэлита уже не верила: любовь к выбранной научной стезе оказалась гораздо сильнее первого чувства к мужчине.

От этой истории вѣщевичке на память осталось болезненное отношение ко всем сомнениям в её уме и умениях, высказанным с отсылкой к женскому полу, а также неприязнь к мужчинам за пределами приятельства или служебного партнёрства и лёгкое опасение перед офицерами.

Последнее могло бы вырасти в стойкую враждебность, но помешал тому старший брат-погодок, Николай, который ещё лет в шесть избрал для себя стезю артиллериста. Дружная с Колей и увлечённая его рассказами, Аэлита с детства с симпатией относилась к военным, и единственный случай не мог глубоко переломить эту привычку, однако малую трещинку осторожности всё же оставил.

Несмотря ни на что, Ховрин был отлично воспитанным и достаточно благородным молодым человеком, поэтому никогда не позволял себе с невестой излишних вольностей и не стремился воспользоваться её наивностью, отношения молодых людей ограничивались прогулками рука об руку и детскими поцелуями в щёку. А после того случая Брамс окончательно, с головой нырнула в науку. Родители никогда не умели что-то запрещать единственной любимой дочери, поэтому поддержали её энтузиазм и, невзирая на косые взгляды некоторых родственников и особо консервативных соседей, поныне не пытались на неё повлиять.

С таким скудным опытом общения с мужчинами Аэлита оказалась совершенно не готова к поведению Титова. Поручик не делал ничего по-настоящему предосудительного, просто в

силу жизненного опыта и характера держался достаточно вольно и решительно. Да и повода задуматься о душевном равновесии вщевички он не имел, а для той и тесные объятия были уже серьёзным потрясением. Так что обратный путь до Полевой девушка проделала в глубокой задумчивости и смятении.

Задумчив был и Натан, только мысли его занимал куда более серьёзный и приземлённый вопрос, а именно – новое дело. По всему выходило, до отчёта судебных экспертов и того момента, как они передадут уголовному сыску портрет покойной, особенного простора для манёвра у следователя не было.

Городовой упоминал, что покойница могла попасть в воду с моста, но тогда он вещал о самоубийцах, а здесь о подобном и речи не шло. Титов, конечно, по мосту тому не ходил и не мог с уверенностью утверждать, наскольколюдно там ночью, однако здесь помогала ещё одна обмолвка Храброва: что мост новый, каменный, с фонарями. А стало быть, освещён достаточно ярко даже ночью. Тому же, кто пустил покойницу по реке, требовалось хоть какое-то время на осуществление своего намерения, и поручик не представлял себе человека, который бы отважился на подобной поступок, столь сильно рискуя быть замеченным. Под фонарями – выгружать откуда-то тело, пусть даже оно уже привязано к плотнику, потом переваливать через перила... Возможно ли вообще осуществить подобное в одиночку?

По виду покойница сложения обычного, росту среднего, значит веса в ней под четыре пуда. Крепкий мужчина, конечно, справился бы, хотя и плотик осложнял задачу, и исцарапаться как нечего делать, и в остальном совсем не удобно.

Но помимо этого, утопленница выглядела столь тихо и безмятежно, одежда её пребывала в таком порядке, словно женщину аккуратно спустили в воду, самое большее, с борта лодки, а может, и вовсе внесли с пологого берега. Сложно было поверить, что в подобном виде тело осталось после падения с моста, а тот, и с мыса это было прекрасно видно, отличался приличной высотой. Да и свеча в мёртвых руках вспомнилась к месту; конечно, злоумышленник мог погасить её до спуска тела в воду, но... всё же нет, слишком сомнительно.

Успокаивая свою совесть, Натан решил, что непременно глянет вечером на мост, но лишь с тем, чтобы окончательно убедиться в несостоятельности этой идеи. По карте, насколько поручик её помнил, на городской стороне, выше моста, имелось целых две бухты, старая и новая, где злодей мог держать лодку, да и весь берег был довольно пологим, и это место представлялось Титову куда более подходящим для избавления от тела. Но для ясности следовало всё же взглянуть своими глазами. И лоцию почитать, а лучше вовсе поговорить со сведущими людьми, знающими эти воды. Уж они вернее скажут, откуда могло принести тело.

Поручик немного досадовал на себя за то, что не догадался направить Брамс с её мотоциклетом сразу к нужным пристаням, и ему предстоит вновь пересечь весь город. Пустая трата времени. Но, подумав, понял, что и в Департаменте найдутся кое-какие дела. Даст бог, удастся установить личность покойницы сразу: навряд ли в этом тихом городе так уж часто бесследно пропадают люди, и если у бедняжки имелась какая-никакая родня, то её могли уже хватиться и заявить о том в полицию. Таковые записи Натан и планировал проверить.

В двадцать третьей комнате наличествовала только стрекочущая пишущей машинкой Михельсон. В зубах её был зажат мундштук с потушенной папирсой.

– Как вам наши природы? – полюбопытствовала делопроизводительница, глянув на поручика.

– Превосходно, – вполне искренне ответил тот. – Элеонора, а как в городе ведётся учёт заявлений от пострадавших? Если пропал кто, к кому идут?

– К нам и идут, – пожалла плечами женщина, прекратив на время клацать по клавишам, утвердив локти на стол и сцепив длинные узловатые пальцы в замок. – Здесь, чай, не Петроград, можно и добраться. А если не можно, бабка там немощная или болезный кто, с городовыми могут весточку передать. Ты, голубь, скажи по делу, чего хочешь?

– Не пропадала ли недавно девушка или молодая женщина, – не поморщившись проглотил «голубя» поручик. – Светловолосая, миловидная, а вот особых примет не назову, только после осмотра судебными.

– Не обращались. Может, некому, может, не хватились ещё, – мгновение подумав, заявила Элеонора и добавила покровительственно: – Да ты не егози, поручик, медики портрет дадут – там и начнёшь хлопотать, а покамест перекурите. Я вон чайник закипятила четверть часа как, выпейте чаю с баранками. Глядишь, и мысли какие дельные придут.

– Чай не пьёшь – откуда силы! Выпил чай – совсем ослаб, – продекламировал Адам, вошедший на последних словах женщины. – Дозвольте приникнуть к источнику живительной влаги?

– Дозволяю, не гнать же тебя, олуха, – с материнской теплотой проговорила Михельсон. – И про господина начальника не забудь с Алечкой!

Титов проводил взглядом Чогошвили, скрывшегося в углу у тахты, и, вздохнув, положил фуражку на стол. С одной стороны, конечно, время на пустяки тратить не хотелось, а с другой – день выдался насыщенным и давно перевалил за середину, и поручик, стоило об этом задуматься, почувствовал себя голодным. А чай с баранками определённо полезней для живота, нежели очередная поездка через весь город.

В уголовном сыске пили кипрей – диковинка для уроженца Петрограда, где вернувшаяся лет тридцать назад мода на этот народный напиток не прижилась, даже невзирая на благосклонность к нему императорской фамилии. Титов взялся за незнакомое питьё с опаской, однако распробовал, хотя и счёл его не лучшей заменой чаю привычному, китайскому.

У чайника время, впрочем, напрасно не теряли. Поручик успел пересказать Элеоноре обстоятельства обнаружения тела для заведения дела. Та поахала, но скорее восторженно, чем испуганно, что-то пометила в блокноте, взяла у Аэлиты ленту с показаниями вѣщей. В Департаменте имелась специальная машина для расшифровки таких записей: закладываешь ленту, а на выходе получаешь лист с понятным печатным текстом. Собственно, именно с её помощью большинство служащих и работало, а уникамов, которые вроде Брамс способны читать перфоленту, среди местных вѣщевиков было немного: такими навыками больше могли похвастаться учёные, нежели полицейские.

– Какое необычное, волнующее происшествие, – проговорила наконец Элеонора, задумчиво раскуривая папиросу. – Нагая дева в венке...

– Она не нагая, она была в рубашке, – кашлянув, поправил Натан.

– Неважно, – отмахнулась она, мечтательно глядя на клубы дыма. – Нагая дева в белой рубашке медленно плывёт по воде – с волны на волну, с волны на волну. Горит сквозь стелющуюся дымку тумана, потрескивая, свеча. Пахнет воском, сыростью и самую малость тленом... Волшебное! Держу пари, автор сего шедевра – из декадентов.

Тут поперхнулся даже Адам, вроде бы привыкший к Михельсон за прожитые здесь месяцы. Элеонора отвлеклась от живописания картины и переложила мундштук в другую руку, чтобы постучать Чогошвили по спине, а Титов уточнил:

– Здесь они ещё есть? Декаденты. Мне казалось, Великая война излечила всех этих безумцев от упоения смертью, разве нет?

– Ну, здесь-то войны не было, – логично возразила делопроизводительница и равнодушно пожалала плечами. – Впрочем, мода давно прошла...

– Скорее уж, дикари какие-то, – прокашлялся Адам и наконец освободился от заботы Элеоноры, рука которой была на удивление тяжела. – Я вот слышал, будто язычники так мертвецов хоронили. На лодку клали – и в море.

– Деточка, где ты здесь море нашёл? – поморщилась Михельсон. – А что до язычников, так нет ничего проще, можно с них и спросить.

– То есть как? – опешил Натан. – Здесь что, и язычники есть?!

– Куда ж без них? – Элеонора вновь скучаяще повела плечами, словно не замечая изумлённых взглядов остальных – не только Адама, но и помалкивавшей всё это время Аэлиты. – За рекой, на Песчаном острове их община.

– И что, церковь терпит? – продолжил недоумевать поручик.

– А что она сделает? – Женщина насмешливо вскинула брови. – Сидят тихо, носу в город почти не кажут, ни к кому не лезут, шума и беспокойства от них никакого. Попы ругались, народ поднять пытались, но народ нынче попов слушает мало, чай не средневековье, а уж на этих горемык тем паче всем наплевать. О них вон и не знает почти никто, – она кивнула на присутствующую молодёжь. – В город приплывают – мирно продают свою рыбу, шерсть да поделки деревянные, люди как люди, а что на них креста нет – так кто шупать полезет! И жертв человеческих до сих пор не приносили. Думаешь, начали? – оживилась Михельсон.

– Нет, – решительно отмахнулся Титов, даже поморщился недовольно.

– Почему вы так уверены? – полюбопытствовал Адам.

– Остров ниже стрелки, – пояснил Натан.

– И что? – снова вступила Элеонора.

– Тело нашли на самой стрелке, на мысу, приплыло оно со стороны притока. Зачем им тащить тело вверх по притоку, с тем чтобы потом отпустить в вольное плавание? Нет, ерунда, тут что-то иное. Живут здесь язычники, как я понимаю, давно, и если бы это был их обряд – тела попадались бы чаще. А если это первый и единственный случай... Больше никаких общин нет? Вверх по притоку. Кришнаиты, сатанисты, чернокнижники? – мрачно уточнил он. – Разумеется, исключительно мирные и безобидные!

– Увы, – Михельсон выразительно развела руками с таким видом, словно в самом деле сожалела. Мгновение помолчав, добавила веско: – Старообрядцы есть. И поповцы, и беспоповцы. С церквями своими, на Москательной буквально дверь в дверь. И костёл на Алексеевской.

– Довольно, думаю, этот вопрос мы оставим до лучших времён, – поспешил избавиться от излишних подробностей мужчина, однако осведомлённость Элеоноры оценил и запомнил. – А куда Шерепа и Машков запропалились?

– Да купчишку тут одного обокрали. Он без малого месяц назад в Москву цеппелином отбыл, дела какие-то там делать, а прислугу в эти дни держать поскупился, всех и выставил. Видать, решил, что в первопрестольной его встретят как родного, а там, глядишь, и вещички перевезёт. Да только что-то там не заладилось, вернулся домой – замки сорваны, всё что было ценного вынесено, чуть только паркет не сняли. Видать, долго, без спешки работали. Вот Шерочка с Машерочкой и поехали. Надолго они там. Пока ущерб опишут, пока осмотрят всё, потом по ломбардам... Набегаются. Мы их тут ещё долго не увидим.

– Пожалуй, это достойный подражания пример, – задумчиво проговорил Титов, поднимаясь с места.

– Так судебные раньше вечера не кончат своё дознание, – удивилась Элеонора и махнула рукой: – Чашки оставьте, я уберу.

– Аэлита Львовна, я просто на мост хотел взглянуть, – неуверенно попытался отговорить поручик также подорвавшуюся с места вщевичку. Против общества самой Брамс он ничего не имел, но опять садиться на мотоциклет? – И в управление порта хотел заглянуть по дороге, а там контингент – сами понимаете.

– Я с вами, – упёрлась девушка и вцепилась в свой саквояж.

Было очевидно, что убеждением тут ничего не добиться, а ругаться не хотелось, поэтому Натан лишь махнул рукой и молча двинулся к выходу, не забыв прихватить фуражку.

Визит в порт затянулся. Здесь было так суетно и шумно, что поручик с некоторой ностальгией вспомнил свою малую родину и службу там, а особенно случай, когда по подозрению в убийстве задержали цыганского барона и весь табор явился его освобождать. В порту,

конечно, обошлось без цыган и медведей, обыкновенные взмыленные служащие носились туда-сюда без видимой системы, но общая атмосфера лёгкого сумасшествия показалась очень родной.

Титов решил не спешить и потеряться среди людей, прислушиваясь к разговорам и отдельным возгласам: это бывало порой куда полезнее, чем ловить пробегающих мимо людей, отвлекая их от дела.

Всё время поручик краем глаза приглядывая за спутницей, чтобы та не потерялась. Однако вскоре, конечно, не уследил и вынужден был отвлечься на поиски. Пока суетился, влившись в общий людской поток, в мыслях планировал, как именно отчитает рассеянную девицу, и буквально мечтал язвительно заметить, что предлагал Брамс остаться в департаменте.

Однако, когда Аэлита нашлась, у него просто не повернулся язык на подобное: столь испугана незнакомой обстановкой была вѣщевичка и столь искренне радовалась его появлению, чуть только на шею не бросилась в порыве чувств. И совсем не возражала, когда Титов, лишь устало махнув рукой, взял её за ладонь, словно ребёнка.

За время этих блужданий по сравнительно небольшому, но от избытка народу кажущемуся изменчивым зданию, Натан выяснил, что подобная обстановка для управления порта нехарактерна и продиктована исключительными обстоятельствами. Какая-то баржа что-то там перегородила и села на мель, и теперь в порту пытались решить эту проблему и найти виновных. То есть для разговора с лоцманами момент оказался самый неподходящий, однако Титов решил настоять на своём и воспользоваться служебным положением.

На все эти приключения и поиски подходящего знатока ушло около получаса, ещё часа полтора – на составление примерного перечня мест, откуда могло бы приплыть тело таким образом, чтобы оказаться на мысу.

Аэлита во время разговора, пока мужчины жарко спорили над картой, скучала в углу на стуле, разглядывая небольшую комнатку неясного назначения, куда привёл служащих сыска один из здешних работников, назвавшийся лоцманом Шалюком. Пожилой, осунувшийся, похожий на бродячую собаку тип вызывал у девушки жалость, брезгливость и радость оттого, что всё общение с ним взял на себя поручик. Сальные полуседые волосы, мундир потёртый и ужасно неопрятный, борода клочками, в которой виднелись крошки еды – один в один облезлый грязный кабысдох.

Вскоре вѣщевичке наскучило сидеть без дела, она достала из планшета блокнот и карандаш и принялась вспоминать показания приборов. Очень её задела собственная бесполезность: считай, первое серьёзное, настоящее преступление, которое ей доверили, она так надеялась найти на трупе нечто этакое, дать Титову какие-нибудь важные сведения, а в результате – пшик! Она, конечно, сделала всё правильно и очень аккуратно, кто же виноват, что злоумышленник оказался таким предусмотрительным? Но эта мысль не успокаивала, и Аэлита решила попытаться выжать из сухих цифр что-то ещё. На теле не могло не быть совсем никаких следов, что-то всё же имелось, просто цифры эти лежали в пределах погрешности приборов и их собственного шума. Но это не мешало попытаться извлечь какой-то намёк, идею. Хоть примерно предположить, каким способом действовал человек, стиривший тень!

За расчётами, а вернее сосредоточенным покусыванием порядком измочаленного уже карандаша, Натан её и нашёл. Был поручик хмур, задумчив и немногословен, молча поймал Аэлиту за руку и двинулся к выходу. Когда шумные коридоры остались позади, Брамс взялась за свою амуницию, чтобы последовательно нацепить всё на себя, и уточнила:

– Куда теперь, на мост?

– Да, пожалуй, – задумчиво кивнул Натан, сосредоточенно хмурясь и глядя больше на реку, чем на девушку, и добавил: – Хотя оттуда её точно не могли скинуть.

– Почему? – удивилась Аэлита. – И зачем мы в таком случае туда едем?

– Едем осмотреться. Оттуда должен быть неплохой вид на реку, это гораздо нагляднее любых карт. Скинуть не могли по многим причинам, уже хотя бы потому, что оттуда она бы никоим образом не добралась до того места, где её нашли. С местом сброса вообще всё неясно, – поморщился Титов и махнул рукой. – Ладно, едемте, а то мы тут до второго пришествия простоим.

– Погодите, то есть как – «неясно»? А о чём же вы полтора часа разговаривали?! – изумилась Брамс.

– Вот о том и разговаривали, – развёл руками Титов, не вдаваясь в подробности: не хотелось признаваться, что задержались они настолько исключительно из-за его недоверия к лоцману. – Видите ли, в воду покойницу столкнули совсем рядом с тем местом, где потом нашли, иначе её непременно отнесло бы к противоположному берегу или вовсе увлекло течением дальше.

– И что в этом непонятного? – нахмурилась девушка.

– Непонятно, зачем злоумышленник поступил именно так. Не учёл течения и не заметил, что тело попало в камыши? Бог знает. Едемте, Аэлита Львовна, всё равно эта мелочь без прочих ответов не имеет никакого смысла. Мы ведь даже не уверены, что бедняжку действительно убили.

Мост оказался широким, добротным, каменным, со сторожащими въезд сфинксами, при том высоченным: под его пролётами свободно проплывали пароходы. По нему то и дело грохотали в обе стороны грузовики и цокали подковами лошади. Аэлита послушно остановила мотоциклет с краю дороги, почти на середине моста, и с мрачным неудовольствием уставилась в спину поручика, который только молча подошёл к перилам и облокотился о них, задумчиво глядя в воду.

Въщевичке не хотелось сейчас тут стоять, и вся поездка эта казалась глупой: Титов же сам только что сказал, что с моста покойницу не бросали, так зачем было тащиться через полгорода? Лучше бы они вернулись в Департамент и посетили буфет, право слово! А то две баранки и чашка иван-чая – весьма удручающий перекус.

Натан же глядел на расстилающуюся внизу водную гладь, на облепившие пологие песчаные берега пристани и причалы, подобные опятам на стволе поваленного дерева, на зеленеющий мыс, и рассеянно думал, что местные девушки-самоубийцы – весьма храбрые и решительные особы, и лучше бы было, применили они эти свои достоинства к какому-нибудь другому, богоугодному делу. Потому что ему, не трусливому в общем мужчине, который воевал и имел награды, дрался до смерти на дуэлях и готов был рисковать жизнью по долгу службы и велению чести, было на этом мосту очень и очень не по себе. Конечно, не настолько, чтобы бежать в панике, но прыгать отсюда, с высоты десятка саженей, вниз? Поручик думал и не мог представить себе той степени отчаяния, которая могла бы толкнуть его на подобное. Разве что серьёзное помутнение рассудка...

Отсюда, сверху, при взгляде на настоящую живую реку, а не на весьма схематичную старую карту, Титов особенно остро понимал всю глупость и несостоятельность тех доводов, которые приводил в недавнем споре. Шалюк был полностью прав. Ни с лодки, ни тем более с моста женщину сбросить не могли, только столкнуть с берега, причём самое большее где-то тут, у подножия моста. Вон там, где длинный песчаный нос прирастал к городу и к железнодорожной насыпи лепились какие-то сараюшки.

И даже с лодки, если подумать и вспомнить календарь (о чём тоже, к стыду поручика, напомнил Шалюк), её не могли сбросить. Нынче нерест идёт, рыбачить с лодок нельзя, и одинокая посудина только привлечёт внимание. Да сейчас и с берега-то удить разрешалось только в городской черте: мол, раз уж рыба такая дура, что не может найти себе более тихое место, так это только её проблемы.

А вскоре эти мысли вылетели из головы поручика. Титов уже просто любовался золотыми куполами, ослепительно блистающими над городом, ярким бархатом майского, свежего ещё, ароматного леса, могучим, тёмным течением широкой реки.

Натан любил продуваемый всеми ветрами Петроград с его закованными в гранит водами, классическими и барочными фасадами, свинцовым холодом Финского залива и переменчивой погодой. Но сейчас, любуясь величайшей рекой русской истории, поручик как никогда остро чувствовал: столица – она... там, где-то. Она хороша, она неотъемлемая часть Империи, но настоящая, живая Россия – вот она, здесь, перед глазами. Неохватный, захватывающий дух простор, на ладони которого многотысячный город кажется игрушечным.

И что ни делается – всё, право, к лучшему. Вот вроде бы и ссылка, или даже бегство, и даром что не за Урал. И поручик, может быть, грустил бы о родных улицах, оставленных друзьях и перечёркнутом прошлом, но радушный город С*** явно симпатизировал столичному гостю, встречая его со всем возможным гостеприимством. Приветствовал ярким майским солнцем, одуряюще высоким чистым небом, вездесущим запахом реки и – буквально с порога – увлекал необычным, интересным делом. И знакомствами, конечно...

– Натан Ильич, может, мы поедem уже? – вырвало его из размышлений одно из таковых знакомств. – Вы уже там с четверть часа стоите, углядели что-нибудь нужное?

– Углядел, Аэлита Львовна, – весело отозвался Титов, оборачиваясь и поправляя фуражку.

– Злоумышленника? – поинтересовалась девушка, насторожённо косясь на внезапно переменившегося офицера.

– Увы, пока только светлые перспективы новой жизни, – мальчишески улыбнулся он. – Госпожа эксперт-вещевик, у меня к вам интересное предложение: как вы смотрите на то, чтобы по дороге остановиться и где-нибудь плотно отобедать? Баранки были хороши, но это всё же баловство, а не еда.

– Зачем по дороге? Можно и в Департаменте, там в буфете недурно кормят, – заверила Аэлита, всем своим видом выказывая одобрение идеи поручика.

В двадцать третью комнату Брамс с Титовым вернулись к пяти часам в исключительно благодушном настроении, и там их, на удивление, встретил заметный разор. Шкафы и окна были распахнуты, на столах высились стопки из жёлто-серых, ветхих папок, амбарных книг и разномастных книжных томов – в большинстве серых и тусклых, но кое-где даже ярких, золочёных.

Над этим разгромом царил Элеонора с неизменной папиросой в зубах: она неторопливо, со значительным видом проглядывала бумаги, порой вчитывалась в печатный и рукописный текст. На подоконнике вполне уверенно балансировал намывавший окно Чогошвили, негромко мурлыкавший себе под нос какую-то песню на грузинском. Сухо пахло густой архивной пылью и ядрёным нашатырным спиртом.

– В честь чего погром? – полюбопытствовал Титов, пристраивая фуражку на свободный стол.

– Марафет наводим, – сквозь мундштук пояснила Михельсон. – Тараканов пугаем.

– Каких ещё тараканов?

– Жирных, – последовал не более внятный ответ, затем делопроизводительница отвлеклась от своего занятия и подняла взгляд на начальника. – Здесь, к слову, от судебных звонили, новости у них. Вон, в пишущей машинке записка. Они эту красавицу не только разрезали, но даже опознали.

– Каким образом? – рассеянно проговорил Натан, пробираясь к машинке.

– Да бог их знает, я свечку не держала, – фыркнула Михельсон.

– Так. Аглая Капитоновна Навалова, двадцать лет. Солдатская слобода, Владимирская улица, дом четырнадцать. Что, Аэлита Львовна, прокатимся?

Отчего-то на этих словах Элеонора поперхнулась дымом, а Адам едва не сверзился с подоконника, чудом успев ухватиться за оконный переплёт.

– Может, не нужно Аэлите туда ехать? – осторожно предложил Чогошвили. Лицо его пошло пятнами лихорадочного румянца.

– Почему это? – возмутилась Брамс.

– Ну, это же Владимирская улица, – промямлил обычно бойкий Адам, поглядывая на вѣщевичку глазами побитой собаки. – Что тебе там делать?

– Ничего не понял, – нахмурился Титов. – Чем так примечательна эта улица, что среди бела дня туда нельзя соваться?

– Да соваться можно, просто вот Аэлите я бы настоятельно...

– Да проститутка она, – резко припечатала прокашлявшаяся Элеонора, оборвав неуверенное блеяние молодого человека. К счастью, не дав собеседникам времени подумать что-то не то и возмутиться, продолжила: – Девка эта покойная. А на Владимирской в Солдатской слободе городские бордели. Пара самых высоких рангом, где благородные отдыхают, на Сокольничьей, а все прочие – там.

– Кхм, – задумчиво выдал Натан. – Аэлита Львовна, может, вам и правда не следует туда ездить?

Он обернулся к девушке в полной уверенности, что найдёт ту в крайнем замешательстве и смущении, однако Брамс выглядела не только не сконфуженной, но совершенно невозмутимой.

– Вот ещё глупости, – отмахнулась она. – Никогда не была в борделе, очень любопытно взглянуть, как там всё устроено.

– Аэлита Львовна, при всём моём уважении, вы, кажется, не вполне...

– Я совершенно «вполне», – поморщилась девушка. – Карточки их я видела, вряд ли живём они сильно отличаются, верно?

– Карточки – это вы имеете в виду их билеты, разрешительные документы? – осторожно уточнил Титов, с растерянностью поглядывая на Адама, который на этих словах сделался совершенно пунцовым. Элеонора же наблюдала представление с видимым удовольствием и вмешиваться не спешила.

– Нет, открытки, – спокойно пояснила Брамс. – Да вы вон у Адама спросите, он вам покажет, он их собирает. Шерепа очень хвалил.

– Он их что, прямо здесь собирает? – похолодевшим тоном спросил Натан. Аэлита перемены не заметила, а вот Чогошвили отчётливо шумно сглотнул и немного побледнел. Конечно, ничего серьёзней выволочки ему не грозило, но Адам к подобному не привык – всегда хорошо учился, да и по службе до сих пор нареканий не было.

– Не знаю, – ответила вѣщевичка бесхитростно. – Мне кажется, он их приносил только похвалиться.

– Адам?

– Натан Ильич, честное слово – нет ничего! Один раз было, больше ни разу...

Титов смерил его холодным, выработанным за годы службы *воспитующим* взглядом, потом тяжело вздохнул и махнул рукой, сделав вид, что не заметил, как молодой помощник следователя испуганно и нервно косится на ящик стола.

– Чёрт с тобой, я за руку не ловил, не мне и наказывать. Только следи за своими сокровищами лучше.

Если честно, трёпку Чогошвили действительно заслужил. Хранить в полицейском департаменте порнографию – это же догадаться надо! Но Натан посчитал не лучшей идеей начинать службу на новом месте с такого шага, да и совесть не позволяла. Будь сам Титов образцом благочестия, ещё куда ни шло, а так... Чья бы корова мычала, как говорят в народе!

Любопытство, подзуживающее приобщиться к прекрасному и взглянуть на открытки, поручик без малейших сомнений задавил усилием воли, заставив себя сосредоточиться на недовольно притопывающей от нетерпения девице Брамс, напоминавшей сейчас рвущуюся в бой злую лошадь, бьющую копытом. В отличие от маленьких грешков Чогошвили, вѣщевичка являла собой серьёзную проблему: поручик просто не представлял, как в этом случае отделаться малой кровью.

– Аэлита Львовна, может быть, вы лучше посетите экспертов и заберёте у них портрет с отчётом?

– Это мы и так можем сделать, морг всё равно по дороге, – отмахнулась Брамс, после чего терпеливо, спокойно продолжила: – Натан Ильич, я всё понимаю, если пожелаете там задержаться, я прекрасно доберусь до дома сама.

В двадцать третьей комнате повисла звенящая тишина. Брамс выжидающе смотрела на поручика, Адам с Элеонорой с большим интересом и буквально замиранием сердца ждали, как тот станет выкручиваться.

Титов пару мгновений молча буравил Аэлиту взглядом. Никакого воздействия тот, впрочем, не возымел; наверное, потому, что вины за собой вѣщевичка не ощущала, издеваться и дерзить не стремилась, а говорила ровно то, что думала, не находя в этом ничего предосудительного.

«Вот и что с ней прикажете делать? – устало подумал Натан. – Бить нельзя, женщина. Ругать бесполезно, всё равно не поймёт. Воспитывать тем более поздно, взрослая уже девица. Объяснять... будет выглядеть ещё глупее, чем уже есть».

– Интересно, какими своими словами или поступками я умудрился подтолкнуть вас к подобному предположению? – задумчиво пробормотал он, не столько в ответ на её слова, сколько для заполнения паузы в разговоре. Пока вѣщевичка ещё что-нибудь не лягнула. – Чёрт с вами, Брамс, нянька я вам, что ли? Жаждете ярких впечатлений – воля ваша, только не говорите потом, что я вас не предупреждал, – буркнул поручик и, махнув рукой, вышел, даже фуражку забыл.

Аэлита беспомощно глянула на Элеонору, не понимая, чем вызвано поведение поручика и перемена его настроения – столь резкая, что даже она заметила. Вот только что был весел, шутил, а тут вдруг нахмурился, даже как будто потемнел весь.

– Иди, иди, деточка, сейчас передумать будет ещё хуже. – Михельсон помахала обеими руками, словно выметала вѣщевичку из комнаты. – И фуражку его не забудь, а то просквозит и весь жизненный опыт по дороге выдует.

Осторожно подхватив головной убор, словно тот был стеклянный и исключительно хрупкий, Аэлита бросилась догонять поручика. И уже, конечно, не слышала, как за хлопнувшей позади дверью Элеонора со значением проговорила, грозя Адаму мундштуком:

– Помяни моё слово, мальчик, осенью у нас будет свадьба.

– Эм... Элеонора Карловна, да я как-то не готов, – пробормотал Чогошвили. – Вы, конечно, эффектная женщина...

– Тьфу на тебя, сопляк! – беззлобно фыркнула Михельсон и кивнула на запертую дверь. – Вон голуби полетели. Пари бы сделала, да больно повод неподходящий. А что ты разулыбался? Иди срам свой из ящика выгребай да на боевой пост двигай, а то таракан застукает за непотребством – проблем не оберёшься. Хоть бы уж прибили кого где-нибудь подальше, чтобы он опять вымелся на другой край губернии...

Аэлита нагнала мрачного поручика в конце коридора, двинулась рядом, принаравливаясь к широкому шагу мужчины, искоса заглядывая в лицо.

– Натан Ильич, я что-то не то сказала, да? – предположила она. – Вы простите, если что. Если вас женщины не интересуют, то я...

– Брамс! – оборвал её мужчина, резко остановившись, и круто развернулся к девушке. Подумалось, что скоро это слово станет у него новым излюбленным ругательством. – Довольно. Леший побери, лучше не извиняйтесь, у вас это неважно выходит. Во-первых, на Владимирскую мы с вами едем сейчас по долгу службы, и совмещать оную с сомнительными развлечениями я привычки не имею. Вы, надеюсь, тоже. Ясно?

Аэлита мелко закивала, снизу вверх глядя на мужчину, хотя для себя решила, что Натан просто стесняется. К счастью для обоих, этот вывод Брамс оглашать не стала.

– Ну и во-вторых, меня интересуют женщины. Но обсуждать этот вопрос с до безобразия наивной незамужней девицей я считаю неуместным и впредь попрошу вас на службе воздержаться от вопросов, касающихся личной жизни моей или других служащих. Это неприлично и даже оскорбительно. Если вы не можете этого понять – просто запомните как таблицу умножения. Ясно?

Аэлита снова кивнула, но медленно, хмуро. Яркие зелёные глаза наполнились... не слезами, нет, но обидой и непониманием.

«Переборщил», – признал Титов, досадуя на себя за эту отповедь. Сорвался, он понимал это; Брамс умудрилась вывести поручика из себя. Не настолько, чтобы он всерьёз разозлился, но в изрядной степени. Тем обидней было сознавать, что Аэлита не особенно виновата, просто по своему прямодушию умудрилась растревожить свежую ещё рану: личная жизнь с минувшей осени была для Натана всё ещё болезненным вопросом.

Обычное дело – невеста оказалась неверна, благо вскрылось всё до свадьбы. И хоть Титов вытравил эту сердечную привязанность из души и жизни, но вспоминать о переломном моменте в судьбе было всё же неприятно.

Вот только это совсем не повод обижать маленьких.

– Аэлита Львовна, – проговорил он заметно мягче. – Простите за эту резкость, но некоторым людям неприятно, когда обсуждают столь личные вопросы их жизни без их на то разрешения. Примерно так, как вам неприятно, когда в ваших талантах вщёвочки сомневаются лишь на основании того, что вы женщина.

– Но ведь это другое, – неуверенно нахмурилась она.

– Другое, – согласился мужчина. – Но ощущения, полагаю, очень похожие. Договорились?

Брамс вновь кивнула, на этот раз задумчиво и почти уверенно, а потом заметила:

– Знаете, вы когда сердитесь, очень на Алтына похожи.

– На кого? – мужчина удивлённо вскинул брови.

– На Алтына, – повторила она. – У наших соседей пёс есть, овчар, его Дмитрий Сергеевич недопёском с Кавказа привёз, он там служил. Вот Алтын ровно так смотрит, когда недоволен. Вроде и не рычит, не скалится, а наличие зубов ощущается явственно. У вас и глаза в точности как у него, карие в желтизну, – заметила она и, вспомнив наконец, протянула Натану фуражку, которую всё время разговора трепетно прижимала к груди обеими руками, словно защищая. И отчего-то смутилась, когда твёрдые ладони мужчины на мгновение случайно накрыли её пальцы.

– Спасибо, – кивнул Титов, надевая головной убор. Он тоже ощущал лёгкое замешательство; догадывался, о какой собачьей породе идёт речь, и сравнение оказалось неожиданно лестным. Мужчина жестом предложил двигаться дальше и проговорил с надеждой: – Может быть, вы всё же передумаете? Право слово, бордель – совсем не то место, которое стоит посетить в жизни. А вы хоть и исключительно талантливая, но всё же юная барышня. Мне, признаться, чрезвычайно неловко вас туда вести.

– Оставьте, поручик, – вздохнула Аэлита. – Я, может, и юная барышня, но не дура же и прекрасно знаю, каким именно местом зарабатывают на жизнь женщины в подобных заведениях. В теории, конечно, но я сомневаюсь, что там есть нечто действительно шокирующее.

- Ваше любопытство вас когда-нибудь погубит, – предрёк Натан.
 - Лучше пусть погубит любопытство, чем глупость или скука, – возразила Брамс столь легко и быстро, что не вызвало сомнений: отвечает на подобное замечание не впервые.
- Спорить Титов не стал. Пожалуй, он готов был согласиться с этим утверждением.

Глава 5. Майская ночь

Дом терпимости, в котором жила покойная Навалова, неожиданно оказался весьма пристойным местом, если можно так выразиться о заведении подобного толка. Чистый классический фасад каменного особняка, возле крыльца в несколько ступеней – вазоны с цветами. Вместо привлекающих публику девиц – швейцар с постным лицом и фигурой штангиста, приглядывающий тут заодно за порядком. Вид полицейского мундира и присутствие молодой девушки, хоть и бравирующей, но всё же непроизвольно старающейся держаться ближе к своему спутнику, не заставил дрогнуть ни один мускул на лице гиганта – вышколен громила был на совесть.

Вот внутри всё было уже гораздо менее благочинно. Служащие уголовного сыска с порога попали в просторный помпезный холл в багровых тонах с позолотой, с бархатными портьерами, закрывающими многочисленные проходы, и низкими кушетками, которые занимали полуобнажённые женщины, принявшие при звуке колокольчика заученно-соблазнительные позы.

Аэлита озиралась с любопытством, словно пришла в музей – да она примерно так и воспринимала это окружение. Натан скользнул равнодушным взглядом по блудницам, отмечая ухоженный вид, хорошую чистую одежду, однако предпринять что-либо не успел: из-за портьер показалась, вероятно, содержательница.

Статная, хорошо одетая женщина лет пятидесяти – крепкая, ухоженная, с аккуратной причёской. Волосы её были густы, а седина на их смоль легла благородно, словно патина на серебро; тёмно-синее строгое платье сделало бы честь любой почтенной матери семейства. И лицо, и манера держаться, и весь её облик явно принадлежали дворянке, получившей прекрасное воспитание, при этом особе властной и решительной. Непонятно было, что толкнуло её к роли содержательницы борделя, однако вид женщины прекрасно объяснял царящую внутри чистоту и порядок.

Она скользнула оценивающим взглядом по Аэлите, отчего та непроизвольно выпрямилась и упрямо вздёрнула подбородок, не понимая даже, что в этом взгляде ей столь неприятно. После этого хозяйка осмотрела поручика, вежливо улыбнулась, глядя ему в глаза, и проговорила красивым, хорошо поставленным контральто:

– Добрый день. Чем я и моё заведение могут быть полезны городской полиции?

При этом она сделала лёгкий жест рукой, и все блудницы тихонько, без суеты поднялись, поправляя одежду, и, переговариваясь вполголоса, исчезли за портьерами. Остались только две, но обе накинули халаты и чинно присели на кушетки.

– Здравствуйте. Аглая Навалова работала здесь? – уточнил Титов.

– Работала? – безупречные брови женщины вопросительно выгнулись, а во взгляде мелькнула какая-то тень. – Что с ней случилось?

– Она умерла. Мы можем поговорить в более... располагающей обстановке?

– Да, разумеется. Пойдёмте, поручик, – согласилась она, невозмутимо цепляя мужчину под локоть. Чуть насупленная и очень задумчивая Аэлита зашагала с другой стороны.

Молча они прошествовали через дверь в торце залы, напротив входа, завернули за расположенную в следующей комнате лестницу, немного прошли по тёмному коридору и зашли в небольшую уютную гостиную. Брамс растерянно огляделась – ничего подобного она не ожидала. Словно не в публичном доме оказались, а в гостях у благообразной горожанки.

«И чего он меня с собой брать не хотел?» – обиженно подумала девушка, усаживаясь в предложенное кресло и разочарованным взглядом обводя комнату.

Титов же, напротив, при виде подобной пасторали перевёл дух: повезло.

– Давно у вас находилась Навалова?

– Она ко мне пришла сразу, как сравнялось шестнадцать, – задумчиво заговорила содержательница публичного дома, назвавшаяся Назаровой Анной Ивановной. – Я взяла, хоть она и из крестьянок. Как объявили бой безграмотности, так с этим легче стало: даже из глухих сёл приезжают, и то вроде бы молодые не совсем дурные да пропащие. А Аглая... – она медленно качнула головой. – Ох и хороша была девка. Гранит.

– Что вы имеете в виду? – растерялся поручик, не сумевший применить подобный эпитет к блуднице.

– Характер. Ох и сильна. Понравилась она мне, очень на меня похожа. В таком возрасте в это ремесло идут от безнадёги, а Аглая решила, что хочет жить красиво. Но не просто решила, а твёрдо шла к поставленной цели. Иные с такими запросами как себя ведут? Думают, что за красу и свежесть им непременно должен к ногам граф упасть, на худой конец надворный советник из благородных. Я на таких сполна нагляделась.

– А Навалова?

– Эта из другого теста, – качнула головой женщина. – Поначалу я взяла её как раз за юность и красоту. Думала, как обычно, поистаскается – выгоню. Но нет, Аглая была не из таких. Все деньги спускала не на развлечения, а на своё будущее. За собой очень следила, чистая была. Уроки танцев брала, образование получала. Она сейчас куда больше интересовала мужчин, нежели в юности, и мужчин уже совсем иного сорта, если вы понимаете, о чём я, – Анна Ивановна позволила себе чуть снисходительную улыбку и окинула выразительным взглядом самого Титова. – Я бы, знаете ли, не удивилась, найди она себе через год-другой состоятельного мужчину и оставь ремесло.

– И вы бы отпустили? Она же, наверное, много денег приносила.

– Я же не рабовладелица, – усмехнулась женщина. – Всё законно, с лицензией, с полицейским и врачебным учётом. У меня всё же приличное заведение, – резюмировала она с явной иронией. – Хотя, конечно, жалко. Очень талантливая девочка была. Я подумывала понаблюдать за ней и, если не найдёт подходящего мужчину, сделать себе помощницей.

– А остальные как на это смотрели? Конфликтов не было? Вообще что-нибудь странное в последние дни происходило?

– Она ни с кем особенно не общалась, – вновь качнула головой Назарова. – Довольно скрытная девочка, не любила говорить о себе, но умела вовремя улыбнуться, пустить слезу и выслушать. Не зазнавалась. Если о чём и спорила с остальными, то не больше, чем прочие, а без ссор у нас не обходится. Конкуренция, видите ли. Но я слежу за порядком и не допускаю лишнего, девочки знают, что за гадость кому-то из своих можно вылететь на улицу. Бабские склоки, если вовремя не пресечь, весьма мерзкая штука. Плевать бы мне на девиц, но не дай бог всё это хоть краем кого-то из гостей заденет – от репутации воспоминаний не останется.

– А странности?

– Как сказать, – протянула женщина, задумчиво разгладила невидимые складки на юбке. – Не могу утверждать наверняка, но мне показалось, у неё появился постоянный мужчина. Но это лишь моё предположение и наблюдение, если хотите: когда в жизни женщины случаются подобные изменения, это заметно внимательному взгляду. Кроме того, свой выходной она раньше тратила на обучение и проводила где-то неподалёку, а недавно стала уезжать в город.

– Куда именно, не можете предположить? Хотя бы примерно?

Анна Ивановна нахмурилась, глядя прямо перед собой, а потом медленно качнула головой:

– Нет, увы, не припоминаю.

– А кто-нибудь из женщин может знать больше? – без особой надежды уточнил поручик.

– Сомневаюсь, у неё не было подруг. Можете, конечно, поспрашивать, но я бы не обольщалась.

– Поспрашиваю.

Стоило вынести Назаровой благодарность как примерной гражданке. Она не выказала и тени неудовольствия тем, что полицейские отвлекают от работы её женщин, обеспечила возможность разговора и очерёдность, так что ни одна из сторон не тратила лишнего времени – в общем, показала себя очень талантливым управленцем и совершенно добровольно сотрудничала с полицией. То ли характер такой, то ли смерть Аглаи её всерьёз расстроила.

Предсказуемо, что времени разговоры заняли порядочно, но ничего нового от работниц борделя Титов не узнал. Волевою, весьма эгоистичную и готовую идти ради цели на всё Аглаю женщины недолюбливали, но всерьёз подозревать их в убийстве поручик не мог: совсем не женский способ, следы, да и странный спуск тела по реке не вязался с блудницами. А Навалову действительно убили, сомнений в этом не было.

Судебные медики, у которых служащие сыска по дороге забрали бумаги, фотографии и портрет покойницы, уверяли, что ту утопили, но только не в реке, а в воде из водопровода, в которой имелось большое количество мыла, и сделал это определённо мужчина: на спине трупа, между лопатками, обнаружился кровоподтёк, повторяющий формой крупную ладонь. Вероятно, женщину так удерживали под водой. Нашлись и другие повреждения: очевидно, бедняжка всё же билась и пыталась вырваться, ссадила колени и локти, разбила пальцы на ногах, на что при первичном осмотре не обратили внимания, а топили её, предположительно, в ванне.

По всему выходило, что убил блудницу тот самый постоянный покровитель, существование которого предположила содержательница борделя: достаточно крепкий и весьма обеспеченный мужчина. Последний вывод можно было сделать, во-первых, из предпочтений покойницы, а во-вторых, водопровод пришёл пока ещё не в каждый дом города, жители победнее обходились водоразборными колонками. Да и труп он, наверное, не извозчиком вёз.

А вот за что убил и как искать этого злодея, Натан пока не представлял и разумных идей на сей счёт у него не было.

Увы, и осмотр комнат женщины никаких результатов не дал, хотя Титов с согласия хозяйки дома общарил всё. Памятных фотографий и других подобных вещиц у Наваловой не было, зато имелись довольно ценные, даже порой дорогие, предметы, очевидно, подарки от покровителей – браслеты, кольца, серьги и прочие безделушки. Недостатка в одежде покойная тоже не знала, и вещи были исключительно высокого качества.

Среди немногочисленных документов не попалось ничего ценного, да и документов тех было – несколько справок от оценщиков о дарёных украшениях, с разными датами. Чековых книжек или других признаков счёта в банке Титов не нашёл – либо покойница унесла их с собой, вместе с билетом проститутки, либо накоплений никаких не существовало. Ещё нашлись учебные тетради, согласно которым Навалова брала уроки языков, ведения хозяйства, этикета, психологии, и неплохо успевала.

Не помог и опрос прочих служащих борделя – бессменного швейцара, слуг. Последним приплачивали за то, чтобы они ничего не видели, и они то ли действительно не видели, то ли помалкивали. А привратник оказался не вышколенным, а туповатым, и даже не вспомнил, в чём именно и когда Навалова отправилась в свой последний путь. Девушки и содержательница, впрочем, настаивали, что в выходные свои Аглая никогда не наряжалась особенно, носила обыкновенные платья. Однако, какого из них доставало, никто из обитателей борделя внятно ответить не сумел.

Аэлита же всё время обыска и допроса страшно сучала. Она не понимала, зачем поручик задаёт одни и те же вопросы каждой женщине, которые на пятой для неё слились в одну, и на прощание просит каждую хорошенько постараться и попытаться что-нибудь вспомнить. На взгляд вѣщевички, всё нужное сказала хозяйка борделя, а провести параллель с серией контрольных измерений девушка не догадалась. Она вообще исключительно редко связывала

свою работу и общение с людьми, а если и пыталась это сделать, получалось обычно из рук вон плохо.

И бордель Брамс разочаровал: она ожидала обнаружить здесь что-нибудь этакое, необычное, а видела заурядную гостиную и обыкновенных женщин. Впрочем, когда сыскари двинулись в обратный путь, на «этакое» Аэлита всё же взглянула: вступил в свои права вечер и у местных работниц настало горячее время.

Натан всю дорогу тревожно косился на спутницу, ожидая вспышки негодования или смущения, однако Брамс глазела по сторонам всё с той же живостью посетителя интересной выставки в музее. Хорошо одетые, но подвыпившие гости, щупающие блудниц; возгласы, бурные эмоции, сальные шуточки, скабрёзности – всё это не трогало вѣщевичку совершенно. Даже тогда, когда кто-то из посетителей попытался перепутать её с местной работницей и качнулся в её сторону, Брамс не испугалась, просто отпрянула – а дальше гость напоролся на холодный взгляд Титова, быстро оценил ладонь на расстѣгнутой кобуре и тихонько, без лишних возмущений, отступил, подняв руки перед собой ладонями вперѣд, тем самым извиняясь и призывая офицера к миру.

Умом Натан понимал, что заведение Назаровой – не дешѣвый портовый кабак и никому бы здесь не позволили обидеть гостей, даже не будь этот гость служащим полиции. Но то умом, нервы же и совесть имели что сказать против, особенно когда громила-швейцар остался позади, а в обе стороны разбежалась мощѣная улица, заполненная гуляющим народом, возгласами и смехом.

– Ну вот, ничего страшного, а вы боялись, – покровительственно проговорила Аэлита, прикрыв глаза и улыбаясь вечерней прохладе. Происходящего вокруг она, кажется, не замечала, в том числе – вот той компании из четверых крепких парней хорошо навеселе, которые с интересом поглядывали в её сторону.

Титов положил ладонь на рукоять тульского нагана – наградного, проверенного, надёжного – и наполовину вытянул его из кобуры, только что курок не взвѣл. Конечно, палить по гулякам он не собирался и в кошмаре, однако так было спокойней, а замутнѣнный винными парами разум прекрасно прочищает и выстрел в воздух.

Всѣ же это была исключительно неудачная идея – вести сюда Брамс. Ей-то что, а Натан после подобного приключения рисковал обзавестись новыми седыми прядями. Будь он один, ему бы и в голову не пришло подозревать гуляющую публику в каких-то безобразиях, в такие места обыкновенно приезжали не за драками, да и содержательницы борделей неизменно пресекали безобразия. Но присутствие спутницы заставляло фантазию Титова рисовать самые мрачные картины.

– Да, не страшно. Аэлита Львовна, поедемте, время позднее, – проговорил он ровно. – Вас, должно быть, и дома уже потеряли.

– Не волнуйтесь, папа и сам часто по службе задерживается, да и я, бывает, в институте засиживаюсь допоздна, – отмахнулась Аэлита, потом, словно назло, обернулась к Титову и бодро поинтересовалась: – Какие выводы мы можем сделать по результатам этой беседы?

– Делать выводы рано, надо думать, – проворчал поручик, аккуратно подхватил Брамс под локоть и мягко, но настойчиво потянул к мотоциклету.

– Да куда вы так спешите? – изумилась девушка. – К слову, вам куда теперь?

– К Департаменту, – ответил мужчина уже спокойнее, потому что упорствовать Аэлита не стала и принялась хотя и неспешно, но всё же надевать свою амуницию.

– Что вы там забыли в ночи? – нахмурилась она, явно подозревая, что Титов станет заниматься расследованием без неё.

– Ничего. Я просто остановился на постой на Полевой, через два дома от Департамента, – со вздохом пояснил поручик.

– А почему именно там? – любопытствовала немного успокоенная девушка.

– А почему нет? В городе я человек новый, привязанностей не имею, так какой смысл селиться где-то ещё, если единственный интерес у меня здесь пока – служба?

– Разумно, – задумчиво похвалила Брамс.

Больше, к счастью, вопросов не задавала, вскоре они тронулись в путь, а через четверть часа и вовсе распрощались у небольшого домика с белыми резными наличниками. Поручик наскоро почистил китель, умылся с дороги и лёг спать.

Ночь у Титова выдалась беспокойная. То его терзали бесплодные мысли о начатом только что деле и смутные дурные предчувствия, связанные с ним же; то постель казалась чересчур мягкой, а одеяло сбивалось комком; то мужчина решил, что ему слишком душно и нечем дышать, и настезь распахнул окно. Но полегчало ненадолго: в комнату полились едва слышные звуки сонного города, которые, однако, казались Натану набатом. Да ещё пахнувший рекой сквозняк, играя занавесками, дразнил поручика, складывая их в зыбкие очертания одетой в белую рубаху девичьей фигуры, тянувшей к мужчине руки.

«Чёрт знает что такое!» – зло проворчал себе под нос Титов и накрыл голову подушкой. Звуки и образы перестали так досажать, и мужчина вскоре сумел забыться тревожным сном, который, увы, оказался не лучше яви. То Натану виделась Брамс, плывущая на спине по реке сквозь предрассветный туман, и в сложенных на груди руках её трепетало пламя свечи. То сам поручик отчаянно отстреливался от каких-то смутных теней, и в нагане неизменно недоставало единственного патрона. То снился длинный сырой сводчатый ход с земляным полом и стенами, сложенными из тяжёлых тёмных блоков, между которыми сочилась влага. То простоволосые девицы в венках и полотняных рубахах водили хоровод в лунном свете, заливающим поросшее высокой травой взгорье в излучине реки. То грезилась пахнущая конским потом и порохом сумасшедшая скачка в ночи на хрипящей от усталости лошади.

Наконец Титова вырвал из всего этого сумбура пронзительный петушинный крик, прозвучавший как будто над самым ухом, и мужчина, дёрнувшись, сел в постели, сонно тараща глаза в рассветный сумрак и нащупывая на боку наган. Через пару мгновений поручик сообразил, что он вообще-то спит в одних подштанниках и кобуры на привычном месте быть не может, вон же она, на спинке стула поверх кителя.

Более-менее очнувшись, Натан понял, что успел сильно озябнуть: приятная прохлада вечера сменилась промозглой утренней сыростью. Да ещё голова после такой тревожной ночи была тяжёлой и пустой, а настроение – угрюмым. Окно закрывать Титов не стал, вместо этого поднялся и принялся за зарядку, чтобы и согреться, и проснуться сразу. Окончательно добиться последнего помогло ведро воды, опрокинутое на голову на заднем дворе.

Хозяйка, старая бездетная вдова Марфа Ивановна Проклова, тоже поднималась рано: надо было подоить пару вредных бодливых коз и отдать их пастуху, покормить кур и приготовить еду. Самой-то сухонькой бойкой старушке много не требовалось, но с постояльцем они условились о полном пансионе. Впрочем, такие заботы одинокой женщине были даже в радость – всё веселее. Да и среди соседок Марфа Ивановна вдруг приобрела дополнительный авторитет: уже вся улица знала, что постоялец её из самого Петрограда прибыл для усиления здешнего отделения Департамента полиции, а то и для контроля за его работой. И вроде как из Охранки прислан, где лично виделся с государем и был им отмечен, а здесь полицмейстер встречал его как родного – значит, точно птица высокого полёта.

Титов же, не имевший понятия о своих невероятных знакомствах, после обливания тщательно побрился, испросив у хозяйки горячей воды, съел миску каши с маслом и ломтём свежого, пышного белого хлеба и понял, что жизнь всё же хороша, невзирая на мелкие неудобства.

– А скажи, касатик, – завела Проклова за чаем, с родительским умилением наблюдая здоровый аппетит постояльца. – Правду бабы говорят, будто ваши, полицейские, вчера русалку за волосы из реки выволокли?

– Глупости, – отмахнулся Натан. – Обыкновенная утопленница. А что, уже болтают?

– Город маленький, – философски пожала плечами женщина. – Да и в «Губернских ведомостях» вон уже написали.

– Вы газеты читаете? – оживился мужчина. О наличии печатного слова он как-то подзабыл за вчерашней суетой, а сейчас вот решил, что свежая утренняя газета была бы кстати. Не только теперь, а вообще: нужно потихоньку обживаться, узнавать, чем дышит губерния, привыкать к здешним порядкам, а газеты в таком деле – первое подспорье.

– Да куда мне, я только по складам и могу. Старая уже, где мне учиться! То молодым нужно, вам ещё жить и жить. Век-то вон нынче какой!

– Какой? – уточнил Титов.

– Какой-какой – просвещённый! – значимо закончила она, поправляя белый платок. – А про русалку – это мне пастух сказал. Тут недалеко, на углу с Соборной, всегда газетами торгуют, а он аккуратно мимо стадо гонит, слышит, что зазывала кричит.

– А что ещё говорят? – поинтересовался поручик для поддержания беседы и получил в ответ целый воз сплетен разной степени свежести и достоверности – от историй о гулящей агапьевой дочке из тридцать восьмого дома и отелившейся тройней коровы до местных сказок о привидениях в усадьбе на Троицкой и таинственном подземном поселении, что простирается на многие вёрсты не только под самим городом С***, но даже за реку, и дальше к невысоким местным горам, которые вообще суть рассадник всяческой нечисти, и крещёному человеку там делать нечего.

– А про общину на Песчаном острове что-нибудь знаете? – Поручик был весьма удивлён, что горные духи показались Марфе Ивановне более достойными внимания, нежели настоящие язычники. С соседской-то дочкой понятно, окрестности простому человеку всяко интереснее неведомых далей, а вот всеобщее местное безразличие к такой диковинке озадачивало.

– А что с ними? – в свою очередь удивилась хозяйка. – Чудные, конечно, деревяшкам кланяются, да только люди и люди – тихие, смиренные, живут своими порядками, зла не чинят. Чай, не зря народ говорит, во всякой избушке свои погремушки. Был у нас тут поп молодой, дурной, всё этим языщикам жизни не давал. Так пришёл старшина их общины, суровый такой старик, сам что твоя деревяшка, при всём честном народе полковша святой воды выпил, крест серебряный в ладонях держал и ко лбу прикладывал. Говорил тогда, мол, вера ваша учит смирению и кротости, учит отцов и бога чтить, так и мы, говорит, отцам нашим и земле нашей кланяемся. Много чего вообще говорил, с попом тем хорошо так, складно собачился, как будто и сам семинарию кончил. А я тебе вот ещё что скажу, касатик: иной некрещёный порой душой больше православный, чем другой, лоб в молитве разбивший.

– Мудрая вы женщина, Марфа Ивановна, – уважительно ответил на это Титов, качнув головой.

Вскоре поручик надел китель, застегнул портупею, распрощался с хозяйкой, вышел на Полевую, на ходу нацепляя фуражку, и свернул к указанному пересечению с Соборной. Департамент находился в другой стороне, но Натан предпочёл заложить крюк и вооружиться печатным словом. По уму стоило бы сходить в ближайшее почтовое отделение и там подписаться на «Губернские ведомости», но где его искать, Титов не знал, спросить же у хозяйки – не догадался.

К зданию Департамента поручик возвращался медленно, почти ошупью, с интересом изучая местную газету. История с обнаруженной утопленницей предсказуемо занимала первую полосу, и автор статьи, не располагая достаточными сведениями о происшествии, от души сдобрил известные ему детали проявлениями собственной богатой фантазии. И вроде бы писал о вещах обыкновенных, безо всякой чертовщины, да только Титову всё время вспоминались байки о русалках и водяных, а к концу статьи и вовсе сложилось впечатление, что вчера на берегу реки он столкнулся с чем-то сказочным. Пришлось напомнить себе, что единственным встреченным вчера чудом по праву можно считать только вѣщевичку с выдуманым именем, и

то не от «чудесный», а от «чудной». А всё остальное – дело рук человеческих, которые именно ему, Натану, нужно найти.

В двадцать третьей комнате Титова встретил отчаянный, даже остервенелый какой-то стрекот пишущей машинки: Элеонора с очень мрачным и неприступным видом восседала за столом и, обложившись бумагами, щёлкала по клавишам с такой силой, словно мечтала вбить их в стол. Никого из знакомых служащих уголовного сыска не было, только единственный мужчина лет тридцати-сорока – видимо, из тех, кто вчера находился в разъездах.

Тонкокостный, светловолосый, в изящных очочках на востром носу, с узким чахоточным лицом и тонкими усиками, он напомнил Титову поэта из современных. Из тех, что в военное время предпочитали сочинять героические поэмы на чьей-нибудь даче и называть это помощью Родине в трудную минуту, уверяя, что на переднем крае от них не будет пользы, а вот так, в тылу, они поднимают народ.

В этих словах имелось немалое зерно истины, и проку на фронте от бойцов, не державших в руках ничего тяжелее ручки, и впрямь было бы немного. Но Натан, будучи человеком военным и, более того, потомственным офицером, к подобному сорту людей испытывал предубеждение. Да ко всему прочему он ещё мог привести пример из широкого круга своих знакомств, в котором личная доблесть прекрасно сочеталась с недюжинным литературным талантом, и потому к незнакомцу отнёсся с настороженностью и – заранее – неприязнью.

– Доброе утро, Элеонора, – склонил он голову в сторону делопроизводительницы.

Та молча кивнула в ответ, не отрывая взгляда от документов и не вынимая мундштука изо рта.

– Титов, Натан Ильич. С кем имею честь?

– Здравствуйте-здоровствуйте, уже слышан, уже доложили, – разулыбался тот. – Валентинов Антон Денисович, следователь. Стало быть, ещё один ваш подчинённый. Был в отъезде, в Б*** уезде, а потому не имел удовольствия поприветствовать лично, каковое упущение сейчас с радостью исправляю. – Продолжая улыбаться, следователь Валентинов с жаром, обеими руками пожал ладонь поручика. Руки у него оказались длинными, слабыми и холодными, что тоже не добавило приязни. – Смиренно жду вот, пока Элеонора Карловна изволят освободиться, чтобы перепечатать мой отчёт о происшествии. Должен заметить, забавный и поучительный случай...

Рассказывать Валентинов умел: говорил складно, увлекательно, с лёгкой иронией и знанием дела, и через несколько минут Титов смягчился к нему, старательно убеждая себя, что не всем быть бойцами, такие вот лирики тоже необходимы, раз бог их создаёт. К тому же, может, вид этого Антона Денисовича – результат какой-нибудь тяжёлой болезни, перенесённой в детстве или вовсе хронической. Что ж теперь, человек не имеет права считаться хорошим?

Никакой хвори в новом знакомце он, правда, не ощущал, так что совсем убедить себя в симпатичности нового знакомого никак не получалось, Валентинов петроградцу не нравился. Да и поведение Михельсон, которую Титов уже признал разумной и весьма опытной женщиной, не способствовало возникновению приязни: та не вступала в разговор, лишь недовольно кривилась, кидая на Валентинова косые взгляды. Это бросалось в глаза, поскольку Элеонора произвела на Натана впечатление общительной и незлобивой особы, и ему не верилось, что подобное отношение возникло на пустом месте.

– А где все остальные? – Поручик наконец сумел улучшить момент и прервать бойкий монолог следователя. – Шерепа с Машковым, как понимаю, заняты кражей, но Адам, Бабушкин, Аэлита...

– Адам отбыл за приток с депешей, не знаю уж, с чего вызвался, – не дав Элеоноре, к которой собственно обращался Титов, и рта раскрыть, бодро ответил Валентинов. – Бабушкин обыкновенно через день ходит, он на полставки. А вот где душечка-Алечка, мне и самому хотелось бы знать. Она очаровательна, но возмутительно необязательна!

Последние слова неприятно царапнули поручика, хотя Титов так и не сообразил, чем именно. Вроде бы он понял, что имел в виду собеседник: Брамс по рассеянности своей действительно могла что-нибудь забыть или перепутать. Но что-то неуловимое было в интонации, во взгляде, в выражении лица Валентинова, что подспудно пробуждало отторжение.

– Аэлита Львовна забегала утром, забрала свой саквояж, – сделав особенный акцент на имени-отчестве вѣщевички, сообщила Элеонора. Пока говорила, она прервала работу и принялась раскуривать папиросу. – Обещала быть после обеда, сегодня у неё занятия в Федорке, да ещё она хотела какое-то своё предположение проверить. Сказала, вы знаете.

– Боюсь даже предположить, – со смешком качнул головой Натан. – Но, надеюсь, никто не пострадает в процессе.

– Элеонора Карловна, я сотню раз просил вас не курить в помещении, – с укором протянул Валентинов, выразительно махнув рукой перед лицом и сморщившись. – Омерзительная привычка! Да и для здоровья вредно, ну как вам не стыдно?

На этих словах Титов неожиданно ощутил настоящее желание закурить, столь навязчивое, что и сам удивился: он ведь по сути был согласен со следователем, и сам оставил эту пагубную привычку из тех же соображений. Однако всё та же неуловимая фальшивая нота, звучавшая даже не в словах Антона Денисовича, а в самой его манере разговора, в поджатых тонких губах и наморщенном носе, нестерпимо раздражала и будила в обычно рассудительном Натане злющего беса противоречия.

– Элеонора, не угостите папиросой? – привыкший не спорить со своим чутьём, Титов решил пойти на поводу у этого странного желания.

Михельсон улыбнулась одними глазами и молча протянула портсигар. Поручик поднялся со своего места, взял папиросу, немного помял её в пальцах, закусил и присел на край стола делопроизводительницы, искоса наблюдая за Валентиновым.

– Натан Ильич, вы курите? – взгляд следователя сделался каким-то потерянным, неуверенным.

– Бывает порой. Вы против? – любопытствовал Титов, раскурил папиросу и кивком поблагодарил Элеонору за предложенную пепельницу. Словно не слышал предыдущего пассажи следователя.

Михельсон, до этого хмурая и недовольная, сейчас вдруг стала похожа на кошку, обожравшуюся ворованной сметаны и греющуюся на солнышке. Жмурилась особенно похоже. Она откинулась на спинку своего стула, скрестив руки на груди, и с невозмутимым интересом наблюдала за Валентиновым. А тот мялся и явно не знал, что говорить.

– Да нет, отчего же, – пробормотал следователь наконец. – Это ведь не запрещено, верно? Вы, к слову, знаете, что Колумб, великий мореплаватель, открывший Америку и познакомивший Европу с табаком...

Однако выяснить, что там случилось с «великим мореплавателем», обитателям двадцать третьей комнаты было не суждено: на столе задребезжал телефон.

– Уголовный сыск, Михельсон у аппарата! – бодро гаркнула в трубку Элеонора. Прослушав короткое сообщение, задумчиво кивнула, но тут же сообразила, что собеседник не может её видеть, и добавила вслух: – Он будет. Антон Денисович, вас к Чиркову приглашают, уверяют, что вы просили аудиенции.

– Да-да, конечно, благодарю! Натан Ильич, очень рад был познакомиться лично, надеюсь, вы надолго у нас задержитесь, эта должность явно ожидала именно вас, – улыбнулся Валентинов и выскользнул за дверь.

– Выкурили таракана, – удовлетворённо процедила сквозь мундштук Михельсон, разминая пальцы. – Жаловаться на тебя побежал.

– В каком смысле? – опешил Титов. – Мы впервые видимся!

– Так он вокруг начальственной должности увивается, сколько я его помню, – фыркнула женщина. – Чуть только ковром Чиркову под ноги не стелился, чтобы его назначили, а Пётр Антонович всё сомневался – видать, чуял. Да таракан он и есть таракан! Тварь зловредная и мерзости разносящая.

– Хм, – глубокомысленно кашлянул поручик и проговорил неуверенно: – Он, конечно, производит впечатление довольно скользкого человека, может быть немного подхалима, но неужели всё так плохо? Мне он, признаться, с первого взгляда как-то не понравился, но я в общем понимаю, почему: не уважаю я таких вот бледных и робких. Но он, может, болеет чем-то?

– «Робких»! – передразнила Михельсон презрительно. – Вы там, поручик, в своём Петрограде жизни совсем не знаете, но чутьё у тебя есть. Верь ему, и наладится всё.

– На чутьё не жалуясь, но я, однако, по-прежнему не понимаю, какое отношение всё это имеет к Валентинову.

– Да лярва он, – фыркнула Элеонора сквозь мундштук.

– В каком смысле? – оторопел Титов. Воровское ругательство было ему знакомо, но поручик понятия не имел, как его можно применить в этом случае.

– В буквальном. Да ты иди, иди, не то вернётся – до смерти заговорит, – покривилась Михельсон. – Я-то привычная, на меня где сядешь – там и слезешь, а ты пойди лучше, погуляй.

– Погодите, а уборку-то вы вчера ради него затевали, что ли?

– Не ради, а против, – назидательно сообщила женщина. – Ежели какая полезная для общества работа происходит, то это верный способ не видеть рядом Валентинова: боится, что привлекут. Оно, конечно, на один-два дня хватает, дольше баклуши бить с изображением бурной деятельности не выходит, но и то хлеб. Всё, иди, поручик, некогда мне тут с тобой.

Натан с подозрением глянул на делопроизводительницу, вновь принявшуюся щёлкать клавишами, но ничего говорить не стал. Пару раз глотнул забористый дым и, поморщившись, затушил папиросу в пепельнице: желание курить ушло вместе с Валентиновым.

Двадцать третью комнату поручик покинул в задумчивости, со странным ощущением, что в мире после сегодняшней ночи что-то неуловимо изменилось. Или это началось раньше? Или с миром всё в порядке, просто сам Титов после тревожной ночи малость не в себе? Или банально не выспался?

Последняя мысль была взята за основу, и этот вопрос Натан временно отложил, сосредоточившись на вчерашнем деле. Идей у него имелось всего три, весьма ненадёжных, но за неимением лучших – оставалось брать что дают.

Первая, муторная и зыбкая, была всё же относительно разумной: наведаться в Федорку, вооружиться артиллерийской поддержкой в лице Брамс и попытаться составить примерный список тех людей, которые могли бы подчистить умбру на теле покойницы. Даже если их получится сотня-другая, это всё же даст некоторую определённость: всяко лучше, чем без малого сотня тысяч жителей крупного губернского города.

Досадно, что покойная Аглая Навалова была столь скрытной и никому ни словом не обмолвилась о своём ухажёре, если таковой вообще имелся, но тут уж ничего не попишешь. Сообщай каждый убитый перед смертью о своих рискованных знакомствах, и полиция осталась бы без работы.

Ещё имелась малая надежда, что кто-нибудь из блудниц за прошедшее время вспомнил нечто полезное следствию, и Титов намеревался снова посетить четырнадцатый дом по Владимирской улице, но для такого визита было ещё рано: тамошние работницы наверняка ещё спали после «трудов праведных».

А третья мысль была совершенно шальной, дурацкой, но всё равно не давала Титову покоя: не шли у него из головы язычники со своим островом, хоть тресни. Натан не подозревал их в убийстве Наваловой, ему просто чертовски хотелось взглянуть на это диво дивное, и даже

оправдание для сей прихоти имелось: расспросить общинных об их похоронных обрядах и узнать, не мог ли кто желать им зла, пытаясь вот таким убийством бросить тень именно на них. Конечно, пока об этом в целом городе, похоже, не подумал никто, кроме самого Натана, но то пока!

На остров он в конечном итоге и решил отправиться, как раз до обеда должен был обернуться. И польза, и отдых, и следование мудрому совету своеобразной женщины Михельсон, велевшей слушаться чутья.

Глава 6. Тонкая нить

Титов совершенно не удивился наличию в распоряжении Департамента полиции целого москитного флота: до многих мест в С-ской губернии было куда проще добраться по воде, чем на перекладных по суше. Поручику без лишних вопросов и волокиты выделили небольшой быстроходный катерок с угрюмым неразговорчивым лодочником, который не нашёл нужным представляться, лишь сумрачно кивнул в знак приветствия, молча дожидаясь, пока пассажир устроится.

Тронулись. Шум порта быстро остался позади, мотор катера гудел низко, солидно и удивительно негромко, особенно в сравнении с буцефаловым. Жестяная посуда, задрав нос, звонко подпрыгивала на мелких волнах и плюхалась обратно, весело брызгаясь, так что у Титова вскоре до плеча вымок рукав.

Отсюда, с самой воды, река казалась ещё шире и сильнее походила на морской залив, отличаясь от него больше запахом, чем видом. Натан неплохо плавал, но человеком был совершенно «земным», водных прогулок не любил и привычки к ним не имел, и потому сейчас крепко цеплялся за борт лодки, опасаясь не удержаться на очередном рывке.

Небо сегодня занавешивала прозрачная дымка, сквозь которую солнце гляделось тусклым – не то признак перемены погоды, не то временное неудобство. По фарватеру, вниз по течению, медленно шёл сухогруз, Натан долго разглядывал его со странным чувством: по сравнению с этой громадиной их катер казался мелкой рыбёшкой рядом с китом. Да дело было не только в корабле; поручика опять посетило испытанное на мосту ощущение собственной незначительности на просторе живой природы, незнакомого мужчине прежде. Но странно, чувство это было совсем не удручающим, напротив – приятным. Наверное, что-то подобное должен ощущать младенец на руках матери.

Далеко не сразу непривычный к речным путям Титов различил в береговой линии проход, в который уверенно стремилась лодка, и понял, что слева появился уже Песчаный. А дальше всё случилось удивительно быстро: вот только что вокруг расстилалась необъятная гладь реки, и вдруг она расступилась перед кудрявым ивняком острова, ставшего неожиданно большим, значимым. Катер нырнул в боковую протоку, берега надвинулись и зашелестели, а ещё через пару минут мотор затарахтел совсем тихо – лодка приставала к низкому дощатому причалу, ближайшему из трёх. У каждого из них покачивалось на мелких волнах по несколько почти одинаковых плоскодонок.

– Я вас тут подожду, – буркнул лодочник, мастерски причалив бортом к настилу, поднимающемуся над водой всего на пол-аршина. Это были первые слова, которые Титов услышал от спутника; до сих пор предполагал даже, будто тот немой.

Возражать поручик не стал, кивнул, выбрался на пристань, очень надеясь, что лодочник действительно дождётся. С другой стороны, даже если не дождётся, ну не съедят же его местные жители, которых все вокруг называют исключительно мирными?

Пирс упирался в высокий берег, однако наверх вела достаточно широкая и удобная, добротная деревянная лестница с перилами. А там поручика уже ждали: высокий, обветренный старик, похожий на насквозь просоленного отставного моряка. Широкоплечий, крепкий, он даже в свои годы, а было ему явно за семьдесят, казался могучим, словно вековой дуб. Окладистая белая борода лежала на груди, голову покрывала косынка. Из одежды только рубаха из небелёного льна, подпоясанная верёвкой какого-то хитрого плетения, словно узелковая грамота да подвёрнутые до колен штаны.

Рядом с босым гигантом Натан почувствовал себя неудобно, словно не человек это был, а медведь.

– Добрый день, – первым заговорил офицер, рассудив, что в роли незваного гостя должен как минимум проявить вежливость.

– И ты здрав буди, добрый человек, – спокойно кивнул встречающий. Светло-серые, холодные глаза его заставляли вспомнить северные моря. – Дело пытаешь аль от дела лытаешь?

Натан поперхнулся воздухом от такого начала разговора и с ходу не нашёлся с ответом. Он совершенно безосновательно, хотя и крепко, был внутренне настроен на встречу с какими-то дремучими суевериями, но такого былинного приветствия всё же не ожидал. А старик вдруг улыбнулся в бороду – хитро, по-мальчишески проказливо – и махнул рукой.

– Пойдём, служивый, не на пороге же разговаривать! Ты не серчай, но уж больно рожа у тебя потешная была, не удержался. Данила Рогов я, здешний староста.

– Натан Титов, уголовный сыск, – представился в ответ поручик. Пожал протянутую крепкую, деревянную от работы ладонь и зашагал рядом с язычником по широкой тропе, почтительно огибающей старую ветлу – праматерь окружающего ивняка.

– Знаю, с чем ты пожаловал, – заговорил тем временем Данила. – Слышали мы уже про ту горемычную, да только мои люди к этому делу отношения не имеют.

– Да я вас, в общем-то, и не подозревал, – отозвался Натан, радуясь, что сейчас говорит чистую правду. Было неприятное ощущение, что спутник читает его легко, словно гимназист детский букварь. Проверять, так ли это, не хотелось, но ещё меньше хотелось этому Рогову врать. – Скорее уж на вас тень кто-то пытался навести. Собственно, я о подобном и собирался спросить – могли ли, нет ли, кто. Обычаев ваших я не знаю совершенно, вот разве что по старым сказкам, да и вообще до вчерашнего дня не подозревал, что нынче где-то существуют язычники.

– Любопытно, проще говоря? – усмехнулся староста.

– Не без этого, – не стал спорить поручик.

– Нет, глупости это всё, про тень на плетень, – махнул рукой Рогов, пару секунд подумав. – Ну кому мы мешаем? Несколько десятков человек, в город не лезем, живём своим умом. Ну не попы же бабу утопили, чтобы нас изгнать. Это даже мне смешно...

За разговором мужчины дошли до деревеньки. На первый взгляд – ничего примечательного, обыкновенный небольшой хутор. Полтора десятка добротных срубов, на условной центральной площади возилась в песке малышня под присмотром нескольких старух, сидящих рядком в тени на скамейке. Дети постарше, очевидно, находили себе развлечения поинтереснее, а взрослые все занимались делами. Детвора не обратила почти никакого внимания на новое лицо, а вот женщины взбодрились и зашушукались, меряя Титова любопытными взглядами.

Вслед за старостой Натан приблизился к одному из домов, неотличимому от соседних, поднялся на крыльцо. Через сени прошли в горницу – изба как изба. Тканая дорожка на полу, белёная печь, стол с лавками. В красном углу вот только вместо привычных икон, на которые Титов даже поднял руку перекреститься, резные деревяшки идолов. Рука опустилась, сыскарь задумчиво качнул головой.

– Садись, служивый, – кивнул ему хозяин на скамью. – Кваску отведаешь? Добрый квас, сам ставил.

– С удовольствием, – не стал отворачиваться Натан.

Расселись. Помолчали. Квас, разлитый в простые глиняные кружки, и вправду оказался славным – душистый, прохладный, с ягодным привкусом.

– Ты, служивый, если надеялся здесь узнать что-то по делу, то напрасно приехал. А ежели просто взглянуть, как мы живём, да словом перемолвиться – так то всегда пожалуйста, мы гостям рады.

– Так-таки напрасно? – задумчиво протянул поручик.

– Мертвецов своих мы огню предаём, – веско проговорил Данила. – А вода – это жизнь, кровь земли, не дело её покойниками кормить. Даже в докрещенские, старые времена, когда ещё людей в жертву приносили, их топили, то есть совсем, на дно отправляли. В том суть ритуала была, а то какая же это жертва воде, если её на поверхности оставить? Ну что ты так на меня косишься подозрительно? Это, служивый, исторические факты. Христиане вон тоже баб топили почём зря. И жгли. А вроде бы мирная, всепрощающая религия. По делу твоему всего один совет могу дать, да всё равно не послушаешь: оставь, злыдня этого без тебя накажут, а ты только набегаешься.

– Откуда такая уверенность? – удивился Натан.

– Русалки на него сердиты.

– А они-то к нему каким боком? – вопросительно вскинул брови поручик. Он даже почти не удивился повороту разговора: сегодня всё буквально к этому и шло. За время пути ощущение зыбкости мира и лёгкого сумасшествия почти забылось, а вот теперь Рогов о нём напомнил.

– Кто их знает! Мало того что бабы, да ещё и не люди, – философски пожал могучими плечами староста.

– Может, они мне его ещё и укажут? Чтобы попусту не бегать, – почти без иронии, только с малой долей усталости уточнил Натан.

– Не дождёшься от них прямоты, – отмахнулся Данила. А потом добавил, поглядывая на Титова с непонятым сочувствием: – Да ты не бери пока в голову и не думай дурного. Я же нехристь, мне положено православного человека с пути сбивать.

– Не убедили, – хмыкнул поручик. – На воинствующего дикаря не тянете. Я бы поставил, что вы из наших, армейских. И, скорее всего, исключительно образованны.

Староста в ответ расхохотался, хлопнув себя ладонями по коленям.

– Ну, хорош, Титов! Добрый сыскарь. Историк я, из Киева родом, университет там кончал, степень магистерскую получал, – весело пояснил он. – И про армейских это ты в точку попал, отец мой из военных, а сам я Великую войну от начала и до победы пешком прошагал. Эх, царица полей! Вот там я после одного случая и решил, что в жизни поменять кой-чего надо.

– После какого случая, если не секрет?

– Расскажу. Но потом. Сейчас ещё рано, – туманно отозвался Рогов. – Как в следующий раз ко мне заглянешь, так и поговорим. А пока ты вот о чём подумай. И твой дар живника, и ремесло вѣщевиков – это всё от наших давних предков пошло, они начала заложили. Нешто они только в этом правы были или, может, ещё что верное о мире знали, чего мы сейчас не думаем?

– В свою веру обратить пытаетесь? – усмехнулся Натан. – Напрасно, я и христианин не так чтобы ревностный, да и тут от меня проку не будет.

– И не думал даже, – отмахнулся Данила. – Я так, поделиться интересными наблюдениями, которые мне в своё время очень помогли. И раз уж речь зашла... Ты, поручик, поменьше года назад никакую женщину часом не обижал?

– Почему именно такой срок? – подобрался Титов.

Прозорливость старосты его сейчас изрядно обескуражила. Ладно узнать про взыскание в личном деле, мало ли кто в те бумаги нос суёт и какие знакомства водит, но про женщину – откуда?!

– Похоже, – вновь нагнал туману староста и продолжил примирительно, извиняющимся тоном: – Ты прости старика, служивый, я так, о своём, и разговор этот останется между нами. Я, может, из ума уже давно выжил, а тут случайно в цель попал. Фокусы это всё. Вот как в следующий раз приплывёшь, так мы с тобой о другом поговорим, а сейчас – не забивай голову. У тебя и без меня хлопот довольно.

Титов согласился, даже подумал о том, что пора возвращаться в город, но чувство долга не пустило. Он ещё некоторое время расспрашивал Рогова о делах общины, об отношениях

с горожанами, о том, как живётся язычникам на острове, почему они обосновались именно здесь. Отвечал Данила спокойно, ровно, и больше не пытался ввести поручика в заблуждение туманными речами. Говорил, что место хорошее, люди добрые и поселиться разрешили, вот и прижились. И земли им хватает, и рыбы, и всего прочего, и не обижает никто. В общем, живи да радуйся.

А всё равно Натану нет-нет да и виделась какая-то чертовщина. То глядел староста по-особенному, то шелестело что-то за печкой. «Кот», – заверил Рогов, проследив направление взгляда гостя. То деревянные божки из красного угла косились как-то очень недобро, негостеприимно. Высидел здесь Титов с четверть часа, спросил всё, что пришло в голову, а потом засобиравшись обратно.

Хозяин поднялся с ним вместе, молча проводил до пристани, где распрощался и остался стоять наверху лестницы.

Лодочник не подвёл, действительно сидел в своём катере и, кажется, дремал. Поручик опустил на колени на краю пирса, снял фуражку, дотянулся и поплескал в лицо студёной речной водой, на макушку полил, по-собачьи отфыркался и встряхнулся, борясь с желанием совсем окунуть голову.

И выпрямившись, неожиданно понял, что – отпустило. В голове прояснилось, и вся нелепость собственных мыслей представилась смешной. Вода словно смыла все странные чувства, пробудила от затянувшегося полусна. Разговор с Роговым предстал вдруг в ином, понятном свете, и Натан тихо засмеялся себе под нос, спрыгнув в катер.

Ох, хитёр историк. Задурил голову своими русалками, сбил с панталыку, а сам мужик ушлый, проницательный. И знатно, небось, посмеялся над дурным служивым. Сначала открыто, когда приветствовал по-былинному, а потом в горнице, когда фокусы показывал. А он ведь просто человечью натуру крепко знает.

Вот взглянуть Натану на себя со стороны, что можно увидеть? Молодой офицер, не дурак, хваткий; с чего бы ему из столицы бежать в провинцию? Мудрёна наука! С офицером беда – так шерше ля бабу, как говаривал один старый опытный урядник. А что со временем угадал, и вовсе не подвиг: точной даты не назвал, но всяко не больше года, а меньше полугода – Титов ещё, верно, не разобрался бы с переводом. Да и на страдающего от несчастной любви поручик сейчас совершенно не походил, значит, история прошлая, уже забывшаяся.

Шерлок Холмс С-ской губернии! Такого бы да в сыск...

Титов даже был готов пойти и предложить старосте составить протекцию, но причал уже остался позади, а разворачиваться не хотелось. Может, и правда ещё свидятся, тогда и предложит.

У порта Титов взял извозчика, но поехал не в департамент, как собирався изначально, а в Федорку, которая «Институт небесной механики». Раз уж сегодня день знакомства с городскими достопримечательностями, то отчего бы не продолжить его там? Как раз можно будет взглянуть на Брамс в естественной для неё обстановке, познакомиться с профессорами от вѣщевиков и заняться всё-таки списком особо подозрительных лиц, а потом уже можно попытаться от него плясать. Выяснить, не был ли кто из них клиентом покойной Наваловой, устанавливать места, в которых она бывала и могла завести роковое для себя знакомство, искать пересечения... В общем, как говорил Рогов, бегать, потому что лёгкого решения эта загадка явно не имела.

У Брамс же что ночь, что утро выдались исключительно безмятежными. Проблем со сном девушка не имела никогда, а стены родного института всегда действовали на неё умиротворяюще: как бы ни грезилась Аэлита приключениями и геройскими свершениями, но хорошо, уверенно она чувствовала себя именно в лабораториях и лекториях Федорки.

К тому моменту, как до института добрался Титов, вѣщевичка успела прочитать лекцию, провести два семинарских занятия и крепко подумать над проблемой, которую поста-

вила перед ней смерть Аглаи Наваловой. Подумать и, обсудив с научным руководителем, накидать примерный план работ. Плотнo заняться этим они договорились после нынешней лекции, которая у Брамс была на сегодня последней.

Натан, поблуждав некоторое время по коридорам и переходам обители знаний, довольно быстро нашёл кафедру вщевиков, а там отыскать нужный лекторий не составило труда. Поскольку занятие началось уже с полчаса как, поручик не стал никого беспокоить и, тихонько проскользнув внутрь, присел на краю ближайшего к выходу ряда.

Увиденное Титова впечатлило. Больше полусотни студюзусов, среди которых имелось заметное количество девушек, внимали Брамс очень сосредоточенно, а это уже говорило о многом. Сама же преподавательница стояла за кафедрой, вела рассказ неожиданно уверенным, сильным голосом и выглядела совсем иначе, нежели в департаменте. Там она показалась поручику рассеянной милой девочкой, почти ребёнком, сейчас же перед ним была строгая, серьёзная женщина. Кроме шуток, она казалась на добрый десяток лет старше – столько было в ней спокойствия, рассудительности, уверенности в собственных силах и знаниях. Аэлита охотно отвечала на вопросы, разъясняла непонятные студентам места, даже шутила, правда специфически, в рамках предмета, и соли Титов не понимал.

«Всё же до чего необычная и многогранная особа», – думал Натан, наблюдая за лекцией.

Брамс заметила его только после окончания занятия, когда слушатели начали расходиться и поручик сдвинулся в сторону, давая дорогу. На полицейского поглядывали кто с опаской, кто с любопытством, кто-то даже поздоровался. Когда основной поток прошёл, Натан двинулся по лестнице, спускавшейся к кафедре, расположенной в центре амфитеатра – вщевичка замешкалась, собирая свои записи.

– Здравствуйте, Аэлита Львовна, – проговорил он. – Я...

– Аэлита Львовна, всё в порядке? – послышался от двери низкий мужской голос, в котором звучало напряжение.

Титов обернулся и едва не присвистнул восхищённо, столкнувшись взглядом с замершим у прохода рослым детиной, живым воплощением образа «косая сажень в плечах». С коротко остриженными льняными волосами, голубыми глазами и простым, открытым лицом – настоящий богатырь. Довольно неожиданная наружность для студента, больше бы кузнецу подошла или солдату.

Зато фамилия у него оказалась очень подходящая.

– Что? Что-то случилось, Кузнецов? – вскинулась Аэлита и уставилась на богатыря.

– Всё в порядке? – повторил тот.

– Я за решительно всё вокруг не отвечаю, – недовольно нахмурилась вщевичка, а после выдвинула единственное, на её взгляд, логичное предположение: – Вы что-то не поняли из лекции? Скажите толком!

– Ваш студент беспокоится, что я вам досаждаю, – пояснил Натан вместо смятенного богатря.

«Сказать толком» тот не мог явно из нерешительности и отсутствия нахальства: всё же грубить полиции – не лучшее в жизни дело. А с ходу сказать то же самое, но вежливо, не хватало красноречия.

– С чего бы это? – растерялась Аэлита. Но на это восклицание не ответил ни один из мужчин, и вщевичка недовольно всплеснула руками. – Что вы мне голову морочите?! Идите, всё, кончилась лекция!

Поручик едва удержался от улыбки: всё же Брамс неподражаема. А студент одарил сыскаря тяжёлым взглядом, словно предупреждая, и, попрощавшись, вышел.

«Ревнует, что ли?» – растерянно подумал Натан, а вслух поинтересовался:

– Вы не распространялись среди студентов, что служите в сыске?

– Нет, зачем? Это ведь не имеет отношения к их обучению, – логично ответила она и посетовала: – Тут по делу-то всё рассказать времени не хватает, куда уж попусту языком молоть!

Титов усмехнулся и качнул головой в такт своим мыслям, а вслух проговорил:

– Хорошие у вас студенты, равнодушные.

– Это вы о ком? А, об Илье? Он толковый, но вечно каша во рту, – пожаловалась девушка, вдохновлённая интересом поручика к её работе. – Мямлит, я его никогда понять не могу. Всё время приходится письменно спрашивать. Что твоя собака, всё знает, сказать не может.

«Точно, ревнует», – пришёл к выводу Натан и сменил тему:

– Элеонора передала, что вы планировали проверить некое предположение. Как успехи?

– Пока рано говорить об успехах, – оживилась Аэлита. – Нужно пробовать, считать, может даже экспериментировать. Я уже прикинула план работы, и его даже Павел Трифонович одобрил.

– Кто одобрил? – растерялся поручик.

– Профессор Иванов, – охотно пояснила девушка, собрала наконец в планшет свои бумажки и двинулась к выходу. – Он по части экспериментов у нас в институте лучший.

– Погодите, скажите всё же толком, что именно вы желаете проверить? Но только в двух словах, тонкостей я всё равно не пойму.

– Ну, там математика в основном... – протянула Аэлита, задумчиво хмурясь. – Если вкратце, можно попытаться выловить из тех цифр, которые выдал прибор, что-нибудь полезное. Понимаете, умбра, она... непрерывна. Это ведь не просто точка на бумаге, это поле, величина которого не может измениться мгновенно во времени и пространстве. И существуют определённые законы её изменения и распространения, описанные ещё в прошлом веке. Когда говорят, что тени на предмете нет, она на самом деле всё равно существует, но при этом столь мала, что её нельзя измерить. Ну как невозможно, например, невооружённым взглядом увидеть клетку. Вообще с точки зрения науки умбра и вѣщевая сила – это одно и то же, просто применяются термины в разных обстоятельствах. И большинство современных теоретиков склоняются к тому, что сила эта существует решительно везде вне зависимости от присутствия человека. Просто мы накапливаем её и усиливаем вокруг себя. Ну как растёт поле вблизи постоянного магнита или как линза фокусирует свет... Ой, я уже не о том совсем, да? В общем, сейчас важно, что мы можем *посчитать* умбру, опираясь на показания наших несовершенных приборов и точное знание их устройства. Грубо говоря, можно попробовать вычестить из полученных показаний собственную умбру измерителей и обработать результат на основе имеющихся у нас общих теорий её распространения.

– И что это даст?

– Как минимум есть неплохой шанс узнать, каким способом злодей стирал умбру и чем при этом пользовался. А может, даже получится частично восстановить уничтоженную умбру и узнать, какие вѣщи находились рядом с покойницей.

– Звучит фантастически, – недоверчиво хмыкнул Натан.

– Мы с вами живём в такое время, когда вся фантастика – это дело ближайшего будущего, – весело улыбнулась Брамс. – А математику не зря называют царицей всех наук.

На собственное образование поручик никогда не жаловался, ему доставало познаний для выполнения служебных обязанностей и даже применения в случае необходимости собственного дара. Больше того, Титов привык работать с вѣщевиками, относился к ним с искренним уважением и считал весьма нужными на полицейской службе людьми. Они могли осмотреть место происшествия, что-то насвистеть – и с лёту выдать какие-то его характерные особенности.

Но дело в том, что прежде это были исключительно полицейские вѣщевики, причём именно в таком порядке: сначала сыскари, а потом уже всё остальное. Они и учились там же, где все прочие следователи, просто на отдельной специальности.

Может, конечно, в той группе Охранного отделения, которая специализировалась на преступлениях, совершённых вѣщевиками, всё обстояло несколько иначе, но для поручика то, о чём говорила Аэлита, было почти откровением.

Брамс полицейским только называлась, и доверить ей какое-то обыденное для сыскаря дело вроде обыска или допроса свидетелей Натан не согласился бы и под страхом смерти, потому что точно знал, чем это закончится. Навыки общения с вѣщами на практике требовались полицейским сравнительно редко; собственно, всё, что мог предпринять вѣщевик, Аэлита уже сделала при осмотре тела. Дальнейшее же присутствие девушки Титов воспринимал философски, относясь к девушке как к несамостоятельной младшей сестре, которую не с кем оставить дома, поэтому приходится таскать с собой. То есть до следующего момента, когда понадобятся её таланты, Аэлита в представлении Натана была совершенно бесполезна. Да, её триумф не состоялся, преступник оказался хитрым и не дал возможности вѣщевичке поймать его за руку. Ну нет умбры – и нет, существуют другие способы вычислить преступника. Во всяком случае, именно так всё происходило бы в привычных Титову обстоятельствах.

А вот поди ж ты! Оказывается, «нет умбры» – это совсем ещё не значит, что её действительно нет.

Впрочем, несмотря на собственное восхищение талантом и познаниями Брамс, к её энтузиазму поручик отнёсся довольно скептически, хотя и не стал этого показывать. Зачем ссориться на пустом месте? Ну не найдёт и не найдёт, так хотя бы попытается, будет всё это время при деле – уже хорошо. А если найдёт, так он, Натан, тем более в выигрыше.

За этим разговором они дошли до одной из лабораторий вѣщевиков – наглухо закрытой комнате в подвале. Там Титов имел удовольствие познакомиться с поджидавшим Брамс профессором Ивановым, и если бы у поручика изначально возникли какие-то подозрения в адрес этого человека (всё же опытный вѣщевик; кто знает, не он ли – таинственный злодей?), то они бы исчезли после первого же взгляда.

Начать с того, что у Павла Трифионовича отсутствовала правая рука до самого плеча, и пустой рукав пиджака был аккуратно вложен в карман и даже как будто прихвачен булавкой. Здороваясь, Натан, не теряясь и не мешкая, протянул для пожатия левую ладонь, чем, кажется, заслужил симпатию старика.

И – да, профессор Иванов был исключительно стар. Ссутуленный, хрупкий, с пушистым венчиком седых волос вокруг усыпанной тёмными пятнами лысины. Впрочем, назвать его дряхлым всё же не получилось бы: семенил он вполне бодро, а глядел хитро, насмешливо. Да и голос профессорский звучал твёрдо, значительно, без скрипа.

– Ишь ты, бравый какой, – чуть прищурился он, разглядывая Натана, и, покачав головой, добавил: – Ну точно я в молодости! А ты чего с гостями-то, Алечка?

Этот вопрос поставил Брамс в тупик: она за вчерашний день удивительно быстро привыкла к компании Титова, сейчас была исключительно рада его видеть, в особенности, конечно, польщённая его интересом, да и разговор завязался очень легко и быстро, и девушка попросту не догадалась расспросить поручика о цели визита.

– Ой, и правда, а вы какими судьбами? Просто поинтересоваться ходом экспериментов? – обратилась она к мужчине.

– И это тоже. Но кроме того, я хотел спросить помощи и хоть как-то ограничить круг подозреваемых, – сообщил Натан и пояснил уже профессору: – Аэлита Львовна говорила, что для устранения умбры не требуется особенно выдающихся навыков, но я всё же думаю попытаться создать какой-никакой список. Ну сотня там будет человек, ну две, даже три, но всяко не десяток тысяч!

– Алечка и не такого наговорит, вы слушайте её больше, – вдруг захихикал Иванов.

– А что я не так сказала? – тут же насупилась девушка.

– Да всё так, да, выдающихся навыков не требуется, – продолжая хихикать, махнул на неё рукой профессор. – Только вы, Натан Ильич, соотносите как-нибудь её представление об исключительности с общечеловеческим.

– Погодите, вот сейчас не понял. Хотите сказать, специалистов такого уровня ещё меньше?

– Полсотни наскрести можно, если очень постараться и добавить тех, кто теоретически всё же способен на подобное, но широкая общественность не в курсе его интересов к данной теме, – пожал плечами профессор. – Ну и всегда остаётся возможность, что это кто-то пришлый, незнакомый, который просто в гости приехал.

– А всех местных вы знаете? – ошеломлённо проговорил Титов.

– Кого как, – отозвался Иванов, покрутив ладонью в воздухе. – Кого шапочно и понаслышке, а кого вот этой рукой за уши таскал. Алечка, а что ты сидишь и дуешься? Подготовь-ка покамест аппаратуру по списку, а то мы до морковкина заговенья делом не займёмся!

Брамс сверкнула на профессора глазами, но спорить не стала. Натан с иронией подумал, что и у этой упрямой девицы, оказывается, есть непререкаемые авторитеты, просто искать их нужно было не в полицейском департаменте, а в совершенно ином месте.

– А как же те, кто вѣщевиками не является, но понимает в этой теме?

– Хм. Ну бредовые варианты вам же не нужны, вам же приземлённые, верно? Да ещё, небось, ребята покрепче, не из таких древних вешалок, как я? – поинтересовался профессор насмешливо, пожевал губами и сообщил: – Трое. Два инженера с нашего «Взлёта», и на новый, Станкостроительный, исключительно толкового специалиста прислали. Но только я бы их всерьёз не рассматривал. Без вѣщевика стереть умбру, конечно, возможно. В жизни вообще нет невозможного, есть лишь маловероятное или никому не нужное. Только это же оборудование, и довольно громоздкое, сложное оборудование, требующее ко всему прочему немало электричества...

– Насколько громоздкое? В авто войдёт? – прагматично уточнил Натан. – И эти трое, я так понимаю, располагают возможностью при необходимости получить нужные приборы?

– Войти-то войдёт, и располагают, – вздохнул профессор. – Да вот только нужно ли оно?

– Имеете в виду, что инженер вряд ли занялся бы чем-то подобным и придумал другой способ не оставить следов? – спросил Титов. – Я склонен согласиться, но проверить всё равно нужно. Мне только непонятно, почему их так мало? Они ведь работают с вѣщевиками, разве нет?

– Работают, работают. Тут, Натан Ильич, вот какое дело. Обычные люди вообще очень редко задумываются о существовании умбры, ещё реже – знают, как с ней работать, и работают. У них же своих забот полно, и дело их совсем в ином. Стереть умбру – дело муторное, сложное, его нужно крепко знать, нужно заниматься этим. Много чего учесть надо, и нет универсального рецепта, как у рачительных хозяек для выведения разного рода пятен. Но то для вѣщевиков. А стирать умбру с приборами, без вѣщевика... Нет такого прибора, на котором довольно рычажок подвинуть, и всё само исчезнет. Это нужно брать сложную измерительную технику, снимать показания, потом производить весьма непростые и громоздкие расчёты, потом подбирать приборы, которые окажут требуемое воздействие. Право слово, это работа целого дня, а то и не одного, особенно ежели один человек её выполняет. Само собой, много специалистов такого класса быть не может, а большинство из тех, кто есть – давно не мальчики. В этом деле, знаете ли, умение приходит только с опытом, на одних лишь природных талантах далеко не уедешь. Обыкновенный инженер начинает совсем с другого, и чтобы он дошёл до столь плотного изучения вѣщей и умбры, должно пройти много лет плодотворной и очень нетипичной работы. Я

ни в коем случае не пытаюсь кого-то из них выгородить! Просто... – он на мгновение осёкся, подбирая слова.

– Не стоит, вы меня убедили, – усмехнулся поручик. – Я уже понял, что это была не лучшая идея и стоит сосредоточиться на вѣщевиках.

– Вот и прекрасно. А мы с Алечкой соберём в ваш список всех, кого знаем, она вам его вечером и отдаст. Или завтра, глядишь, вместе с какими-нибудь результатами. Вы же отпустите её на сегодня, чтобы она могла спокойно поработать?

– Да, конечно, – легко согласился Натан. Даже, наверное, излишне поспешно.

– Но как же... – обиженно пробормотала Брамс, однако поручик постарался её успокоить:

– Не переживайте, Аэлита Львовна, всё равно без ваших результатов далеко нам не продвинуться. Обещаю, никаких новых интересных визитов без вас.

Слова Титов подобрал верно. Вѣщевичка тут же смягчилась и подобрела, без капризов согласилась остаться и продолжить работу, отпустив Натана в департамент, и мужчина откланялся, мысленно вновь дивясь противоречивости натуры Брамс. Вот куда, спрашивается, в пять минут подевалась та серьёзная, собранная женщина, что столь уверенно читала студентам лекцию? Волей-неволей подумаешь, что играет и издевается, но ведь нет же, совершенно искренна!

Институт Небесной Механики существовал в городе всего десять лет, и здание это было отстроено непосредственно для него на Семейкинской, аккуратно на полпути между полицейским департаментом и заводом «Взлёт», из-за которого в нём в основном и возникла надобность.

Двадцатый век не только газеты, но и учёные называли веком, в который человек обрёл крылья и сумел оторваться от земли. За двадцать лет самолётостроение сделало поразительный рывок и продолжало развиваться столь ошеломляющими скачками, что люди прошлого века лишь потрясённо крестились и качали головами, предрекая всяческие катастрофы.

С каждым годом всё глубже пролегал намеченный ещё Великой войной разлом: неповоротливые, неуклюжие, громадные дирижабли, способные нести поражающие воображение грузы, использовались для гражданских и транспортных нужд, а быстрые, манёвренные и дорогие самолёты строились для войны. «Взлёт» занимался последними, и всё, что Титов знал об этом большом заводе, так это пристальное отеческое внимание к нему Охранного отделения.

Натан бы и не вспомнил о подобном обстоятельстве, но его терзало смутное неприятное предчувствие: как бы не пришлось идти на поклон к «соседям». Титов прежде об этой детали не задумывался, а тут внезапно понял, что самые толковые вѣщевики, не считая подобных Брамс своеобразных личностей, наверняка прибраны к рукам именно военными, и внимания полиции к этим людям не одобряют не только они сами, но и опекающая всю отрасль Охранка. А потому назавтра, после знакомства со списком, Титов на всякий случай наметил себе визит к полицмейстеру: в таких делах без помощи высокого начальства не обойтись.

Для начала он решил всё же повторно заглянуть в дом четырнадцать по Владимирской улице – это было почти по дороге, а до Полевой Натан собрался прогуляться пешком. Погода располагала, но, главное, на ходу ему лучше думалось.

А подумать было о чём. Например, посетовать на себя за то, что вот так легко принял на веру слова Аэлиты об относительной простоте стирания умбры. На девушку Титов, конечно, не сердился, она говорила что думала, но он-то сам хорош! Уже вроде бы понял, что имеет дело с неординарной особой, а так лопухнулся. Благо времени ещё немного потерял и повернулось всё в итоге к лучшему.

Но после разговора с профессором картина в самом деле начала складываться. Пока зыбко, однако поручик уже не чувствовал себя в тупике. Например, Натан был уже почти убеждён, что убийца – человек весьма самоуверенный и очень увлечённый собственным делом, привыкший полностью полагаться на талант вѣщевика и не считающий само его наличие сколько-

нибудь примечательной чертой. Почти как Аэлита. Стерев умбру, он посчитал, что замёл следы, однако совершенно не подумал, что этим поступком выдал себя куда больше.

Вот чего Титов совершенно не мог понять и даже предположить достаточно убедительно, так это мотивов. Не только причины убийства, но почему всё обставлено именно вот так.

Чем вѣщевнику могла помешать проститутка? Шантажом тянула деньги? И чем, интересно, грозила? Просто предать связь огласке?

Но любые домыслы на эту тему не объясняли главного: зачем сбрасывать покойницу в воду, да ещё вот так ненадёжно? Если желал убить – ну так убей, концы в воду, привязав камень на шею, и кто станет искать продажную женщину! Так нет же, плотик этот соорудил, в рубаху обрядил. Рассудком он тронулся, что ли, от большого ума?

С такими мыслями Натан и дошёл до знакомой уже Владимирской. Время получилось самое подходящее: достаточно поздно, чтобы женщины пробудились, и достаточно рано, чтобы не начался ещё наплыв клиентов. Ничего полезного от этого визита мужчина не ждал и всерьёз не верил, что кто-нибудь из местных обитательниц сумеет вспомнить нечто примечательное, однако небольшую зацепку неожиданно для себя получил. Таинственного любовника Наваловой, конечно, никто не видел, зато одна особа, Проскурина Елена, припомнила извозчика на двуколке, с коим Аглая общалась довольно панибратски. Елена даже потом пошутила над Наваловой про синицу в руках, которая лучше журавля, но та по обыкновению отнеслась равнодушно и на подначку не повелась.

Событие это случилось в прошлом месяце, и из примет извозчика блудница сумела назвать только пегую лошадь и бритое лицо, кажется достаточно молодое. Не бог весть какой портрет, однако и шансы найти возможного знакомца Аглаи имелись: извозчики по крестьянскому обычаю чаще носили бороды, да и пегая – не гнедая. С каждым годом экипажей в городах становилось всё меньше, и у Титова имелся хороший шанс, что поиски увенчаются успехом.

Часа три потратив на расспросы по городским биржам, Натан всё же нашёл ту, на которой знали бритого парня на пегой лошади. Звали его Петром Коробом, был он спокойным и основательным, неконфликтным, немного бирюком. Однако на этом везение поручика кончилось, потому что Пётр третьего дня отбыл в родную деревню по какой-то надобности – не то умер у него кто-то, не то родился, – а названия деревни или хотя бы уезда никто не знал. Впрочем, дело это было наживное: зная имя, установить остальное не составляло труда, только для этого требовалось вернуться в департамент.

Михельсон нашлась на рабочем месте, но в дурном настроении, причин которого не назвала. Титов предположил, что виной тому Валентинов, однако непрошено лезть в душу не стал. Просьбу делопроизводительница выслушала и пообещала всё решить, но – завтра утром, потому что день незаметно для Натана, проведшего его в разъездах и разговорах, склонился к вечеру. Может, нужные люди всё ещё имелись на местах, однако Элеонора была непреклонна. Настаивать поручик не стал и воспользовался возможностью своевременно вернуться домой, надеясь добрать сна за прошлую беспокойную ночь.

Глава 7. Лобное место

Брамс явилась домой снова за полночь, уставшая, но довольная. До полного решения поставленной задачи они с Ивановым сегодня, конечно, не дошли, но, чувствовалось, путь нащупали верный. Профессор был уже не в том возрасте, когда можно позволить себе сутками корпеть над цифрами, и потому домой он ушёл гораздо раньше. Аэлита, может, и дольше просидела бы, но из лаборатории её выгнал голод, привычный институтский буфет уже давно закрылся, и, чем искать какую-то ресторацию, проще было уже сразу отправиться домой. Ну и кроме того, при всей собственной увлечённости Брамс сознавала, что отдых и здоровый сон очень нужны разуму, а потому решительно, хотя и с некоторым сожалением, оставила арифмометр, отложила логарифмическую линейку и толстую тетрадь для записей и отбыла в родные пенаты.

А вскоре Брамс искренне пожалела, что не оставила свои вычисления раньше, потому что утро у неё началось с рассветом.

– Алечка! Вставай, милая, тебя там просят, случилось что-то. – Одетая в длинный халат, с наскоро повязанным на голову платком, встревоженная Людмила Викторовна Брамс будила дочь, которая от пронзительного звонка в дверь не проснулась, в отличие от родителей.

– Что? Мам, ну брось, темно ещё, – проворчала Аэлита в полусне, пытаясь отгородиться подушкой.

– Аля, вставай, – продолжила настаивать на своём женщина. – Или пойди сама скажи, что не поедешь. Ну нехорошо, люди ждут, они тоже не просто так ни свет ни заря взбаламутились.

Увещевания достигли цели, девушка всё же проснулась до конца и села в постели, сонно растирая глаза.

– Кого там черти принесли? – проворчала она недовольно, поправляя сползающую с плеча ночную сорочку и поминутно зевая.

– Не ругайся, – одёрнула Людмила Викторовна и продолжила, протягивая дочери халат: – Назвался Титовым, поручик. Уверяет, что вы служите вместе. Очень извинялся за визит в неурочное время, но дело, говорит, безотлагательное.

– Что там стряслось такое? – не на шутку изумилась Аэлита. Она плохо разбиралась в людях, но даже её познаний было достаточно, чтобы понять: случилось нечто по-настоящему серьёзное, иначе Натан Ильич или обошёл бы без её общества, или уж в крайнем случае дождался утра.

– Ну куда ты? – возмутилась Брамс-старшая. – Хоть волосы прибери, мужчина же, неприлично!

Аэлита даже отмахиваться не стала и молча прошла в гостиную, кутаясь в расписанный птицами шёлковый халат на манер японского кимоно – дань моде двадцатилетней давности, когда обычные жители сердца Российской Империи познакомились со странными традициями этой далёкой страны, о которой большинство прежде и слыхом не слыхивало. Мода схлынула, перестав быть диковинкой, а такие вот халаты очень прижились среди обеспеченных граждан и особенно гражданок.

Титова разговорами о погоде развлекал Лев Селиванович Брамс, ещё более сонный, нежели его дамы, но при этом совершенно спокойный, чем поставил поручика в тупик. Тот ожидал справедливого возмущения от родителей вщёвички, за которой заехал в такую рань на служебном автомобиле, и был весьма озадачен невозмутимым кивком Льва Селивановича и его безмятежным: «Да-да, проходите в гостиную, сейчас мы её разбудим». Ни вопросов, ни недовольства...

На самом деле всё было просто: отец семейства Брамс являлся одним из главных инженеров, заведующих водонапорным хозяйством города, и давно уже привык к тому, что по необ-

ходимости его могут выдернуть из дома в любое время суток. С Аэлитой подобного прежде не случалось, несмотря на два года её полицейской службы (весьма и весьма безоблачные два года), но Лев Селиванович был слишком рассеянным в житейских вопросах, чтобы заметить эту странность.

– Здравствуйте, Натан Ильич, – вновь зевнув и прикрыв рот ладонью, проговорила Аэлита. – Что стряслось?

– Здравствуйте, Аэлита Львовна, – ответил Титов, поднимаясь при её появлении. – Новое тело нашли, на том же месте, нужно всё оформить. Уверяют, один в один предыдущее. Я мог бы попросить кого-нибудь ещё, но у вас явно получится точнее. Ну и кроме того, мне подумалось, вы расстроитесь, если я хотя бы не предложу. Впрочем, если не желаете ехать, я...

– Нет, нет, что вы! Правильно решили, – тут же оживилась Брамс. – Дайте три минуты, я сейчас!

Обратно в комнату она упорхнула с куда большим энтузиазмом, чем брела в гостиную, и Натан всё же не удержался от улыбки, с которой отчаянно боролся с самого появления Аэлиты на пороге. В алом халате с чёрно-белыми журавлями, окутанная облаком растрёпанных рыжих кудряшек, Брамс выглядела исключительно потешно, очаровательно и по-детски трогательно. Однако явление это ещё сильнее осложнило Титову жизнь: он и прежде-то с заметным трудом заставлял себя воспринимать вѣщевичку всерьёз, а как делать это теперь, и вовсе не представлял.

То ли по рассеянности со сна, то ли из-за тусклого света торшера под тканевым абажуром, то ли по какой ещё причине поручик не заметил, сколь задумчивым, одобрительно-оценивающим взглядом смерила его в это время мать семейства и как довольно улыбнулась своим мыслям.

– Позвольте, это та несчастная, о которой в газетах писали? Утопленница? Вы о ней говорили? – любопытствовал Лев Селиванович, высокий нескладный мужчина с дурной осанкой, кудрявыми русыми волосами с густой проседью, ухоженными усами и грустными глазами спаниеля.

Вот тоже странность; типом, общей хрупкой одухотворённостью наружности Брамс был очень похож на Валентинова, но отчего-то вызывал совсем иные чувства. Никакой неприязни, только любопытство и лёгкую подспудную симпатию. Может быть, просто оттого, что поручику была приятна его дочь и отношение это распространилось на всю её семью?

– О ней, – кивнул Натан, не видя смысла скрывать. Всё одно скоро событие станет достоянием общественности, и если он хоть что-то в этой самой общественности понимает, жизнь полиции здорово осложнится. Паника не паника, но волнения им обеспечены. – Только вы всё же не распространяйтесь особенно, мало ли?

– Да-да, я всё понимаю, – закивал он. – Стало быть, вот каким делом так увлечена Аэлита? Это замечательно. То есть, конечно, замечательна не гибель бедняжки, а то, что Алечка наконец получила возможность заняться тем, о чём мечтала. Спасибо, что решили взять над ней шефство, а то она уже начала тосковать, Пётр Антонович её ни до чего ответственного не допускал.

– Напрасно, она отличный специалист, – задумчиво качнув головой, проговорил Натан, не выказав удивления словами собеседника, которыми был, однако, немало озадачен.

Поручик, будучи человеком в первую очередь военным, настолько привык не обсуждать приказы, что взял девицу Брамс в помощники, может, без особого рвения, но и без излишних раздумий. Начальство распорядилось – значит, так надо, и не его ума дело кому и зачем. А потом этот труп, и стало вовсе не до посторонних размышлений, тем более проявила себя девушка весьма достойно.

Но теперь с лёгкой руки Брамса-старшего он задумался: а почему таланты Аэлиты прежде не пытались применить на благо полиции родного города? То есть нет, это как раз понятно:

исключительно своеобразная особа, напрочь лишённая навыков, необходимых сыскарю, какая уж ей «настоящая» работа! Непонятно, почему теперь Чирков вдруг передумал? Из-за того, что девочка начала тосковать и родители попросили наконец пристроить её к делу? Вероятно, если вспомнить о достаточно близких родственных связях. Но всё же...

– Вот-вот, и я о том же говорил, – жарко поддержал его тем временем Лев Селиванович. – Но Петру Антонычу разве втолкуешь! Он, должно быть, теперь смягчился от ваших столичных рекомендаций. Даже Людушка вот на удивление к вам расположена, а то затея эта с уголовным сыском ей поначалу...

– Ой, а что же это я сию? – всполошилась «Людушка» – миниатюрная энергичная женщина с тёмно-рыжими, скорее медными волосами, в которую очевидно и удалась Аэлита наружностью. – Вас же наверняка тоже с постели подняли, а я даже чаю не предложила. Я вам сейчас пирожков с собой заверну, домашние, с капустой, вчера только напекла. – Пирожки горкой лежали в вазе, накрытые льняной салфеткой, в которую женщина и начала их заворачивать. – И не думайте возражать! Заодно обязательно проследите, чтобы Алечка тоже покушала, она постоянно забывает, вот точно копия Лёвы. Я ему собираю с собой на службу поесть, так он порой обратно приносит. Говорит, не до того было. Ну вот как так можно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.